

КАРИНА
ДЕМИНА

ОДИНОЧЕСТВО И ТЬМА
НА КРАЮ ОДИНОЧЕСТВА

— Магия, меняющая мир —

Необыкновенная магия. Шедевры Рунета

Карина Демина

На краю одиночества

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демина К.

На краю одиночества / К. Демина — «Издательство АСТ»,
2022 — (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета)

ISBN 978-5-17-121334-3

Кого еще обвинить в смертях, потревоживших тихий приморский городок, как не коварных некромантов? Вздумалось им останавливаться, школу свою затевать да будоражить покой честных граждан темною волшбой. Слухи множатся, один другого страшнее. И с ними растет гнев человеческий, грозя выплеснуться кровавым бунтом. Правда, у Анны – свое мнение. Она уверена, что за убийствами стоят вовсе не некроманты. Но кто станет слушать странную больную женщину? Уж точно не те, кому нужны ее дом и ее жизнь. Вот и остается надеяться на себя, мастеров и ту силу, которая способна как уничтожить, так и защитить.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121334-3

© Демина К., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	48
Глава 9	53
Глава 10	58
Глава 11	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Карина Демина
Одиночество и тьма. На краю одиночества

© К. Демина, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Конфеты доставили ближе к вечеру.

Анна устала.

Утомила вдруг поездка. И женщина, которая вновь притворялась жертвой, хотя теперь у Анны совсем не получалось верить ей. И город. И тот мальчишка, который швырнул в мотор камнем, благо не попал. Или защита сработала?

Утомила Анна сама себя ворохом сомнений, что разом всколыхнулись в душе. Любовь? О любви она и не думала. Ей бы выжить и от проклятия если не избавиться, то хотя бы подавить его на пару лет. Пара лет жизни – это много, ей ли не знать, только все равно сердце ноет, растревоженное.

Если подумать, то она никогда не влюблялась.

Никанор?

Скорее необходимость. И осознание, что никому другому она, Анна, с сомнительными ее талантами и отсутствующим приданым не нужна. Может, потому и позволила себе верить в эту несуществующую любовь? Ухватилась за Никанора, как матушка за отца, а потом привыкла.

Уговорила. Заняла себя работой, влилась в выстроенную Никанором жизнь и плыла по ее течению, позволив себе развод единственной попыткой понять, чего же хочется ей.

Чего?

До недавнего времени Анна была вполне себе счастлива в этом доме, который успела обустроить по собственному вкусу. Цветы и тишина, что еще надо ей?

Выходит, что надо.

Она остановила мотор у поместья, и Елена неловко выбралась. Она задержалась, чтобы сказать:

– Вы красивая женщина. Вы с легкостью найдете себе кого-нибудь... более подходящего.

– Вас это не касается.

И показалось, светлые глаза потемнели. Ненадолго.

– Вы правы... или нет? Все же Глеб – моя семья. И меня она вполне устраивает в нынешнем виде.

Почему-то прозвучало почти угрозой, и даже Аргус заворчал, предупреждая, что не даст хозяйку в обиду. А Елена погрозила пальцем:

– К слову, вы знаете, что церковь не одобряет нежить? И не только не одобряет... В Смутное время сотворено немало интересных артефактов, которые помогали защищать людей от нелюдей. Поэтому на вашем месте я бы не слишком рассчитывала, что эта тварь вас защитит.

Рык стал громче.

Анна же произнесла:

– К счастью, вы не на моем месте.

К счастью ли?

Она с облегчением закрыла ворота и отогнала мотор в переделанную конюшню, в которой собственно от конюшни осталось лишь название.

– Меня она пугает, – призналась она Аргусу, который, забравшись на крышу мотора, наблюдал, как Анна выгружает пакеты.

И бутыл с темным зельем.

Ее попробовать? Или же по старинке бордоской пройти? Или... сперва одно, а затем другое? Так оно определенно вернее.

– Но с другой стороны, на что жаловаться? И стоит ли? Никогда я жаловаться не умела и сейчас не буду. Во-первых, смысла в этом нет. Во-вторых, ей показалось. Да, Глеб хорошо ко

мне относится. И мне он глубоко симпатичен, но симпатия – это далеко не любовь. В принципе, я, кажется, на любовь не способна.

Жидкость, разведенная с водой, приобрела оттенок бриллиантина. И запах появился, несильный, но неприятный. Впрочем, работа всегда помогала Анне избавиться от ненужных мыслей.

А работы было много.

Она обработала розы, после, подумав, и пурпурный бересклет, а за ним – плющ, хотя последний обладал устойчивостью к паразитам, но жидкость еще оставалась.

Анна прошлась по растениям на террасе. И на кухне, благо Мария не видела этого непотребства.

Подрезка. Пересадка. Черенкование и высадка тех черенков, которые дали корни. Скоро придется оформлять новую доставку, что, наверное, хорошо, но... работа не успокаивала.

Больше не успокаивала.

В голове крутились те самые неправильные мысли: если допустить, что Анна избавится от проклятия, а еще станет моложе и обзаведется титулом... Нет, глупость, глупость совершеннейшая.

И с чего она взяла? Всего-навсего взаимная симпатия.

В его жизни, как и в жизни самой Анны, пожалуй, не так часто встречались люди, с которыми можно было бы просто поговорить.

Волна по ограде заставила отвлечься от этикеток, которые Анна, признаться, совсем утомилась подписывать. И почерк ее давно уже избавился и от приятной округлости, и от той правильности, которую требовали наставницы в пансионе, сделавшись угловатым, некрасивым. Буквы скакали, норовили слипнуться в нечто вовсе нечитаемое, а этикеток перед Анной лежало больше полусотни.

– И кто к нам в гости?

Мальчишка. Незнакомый. Опрятный, хотя и одет просто.

Увидев Анну, он сорвал картуз с вихрастой головы и поклонился.

– Барышня, вам тут конфеты, – он обеими руками держал огромную, едва ли не больше его самого, коробку конфет. – Передать просили.

– Кто?

– Так это... – Мальчишка пожал плечами и отступил к дороге, явно не желая отвечать на неудобный вопрос. – Ухажер небось... кто ж еще?

И вправду: кто?

Анна сделала шаг.

Сзади беззвучно затворилась калитка. Где-то далеко взвыли собаки, хором, будто предупреждая. И мальчишка дернулся на этот звук. Обернулся. Вперился взглядом, но вовсе не в Анну.

Аргус?

Он держался рядом. Он втянул воздух и тихо рявкнул. А мальчишка подпрыгнул и, широко перекрестившись, уронил коробку. Попятился.

– погоди. Не бойся, он не тронет...

– Нежить! – взвизгнул посыльный и бросился прочь, только босые пятки сверкнули.

– Нежить, – повторила Анна, разглядывая коробку.

Массивная. Тяжелая.

Темное дерево, отполированное до блеска. Серебряные накладки. Серебряная же табличка с оттиском известного в столице шоколадного дома. Эта коробка, пожалуй, не заслужила того, чтобы валяться в пыли. И Анне пришлось подходить. Наклоняться.

А вот карточки не было.

И это было странно. Определенно. Нет, в той, прошлой жизни, когда она из простой мещанки вдруг стала женой «того самого Лазовицкого», Анне присылали подарки. В том числе и шоколад из «Шоколадницы».

Коробка была оригинальной.

Анна тронула тонкий замочек.

Интересно. И не только. Почему-то вид этой коробки вызывал тошноту. И слабость вдруг накатила такая... а с ней и желание лечь. Прямо здесь, перед домом, и плевать, что мостовая грязна. Разве стоит думать о грязи, когда глаза сами слипаются, а силы уходят...

Рык донесся издалека.

А еще кто-то толкнул Анну в спину, и она упала. На камни. Руки обожгло болью, а вместе с ней вернулась и способность дышать.

– Сидеть, – рывкнула Анна, борясь с тошнотой. И все-таки не справилась, ее вывернуло зеленоватой слизью, и это было отвратительно. От стыда и обиды Анна расплакалась...

Расплакалась бы, но острая морда ткнулась под ребра, а знакомый голос сказал:

– Дрянь.

И это было не про Анну.

– Что ты творишь! – этот голос Анна тоже узнала. – Сейчас сожрет и будет прав...

– Нет. Он умный. Понимает. Надо встать. Давай...

Анна попыталась, но ноги не слушались, и проклятие ожило, расплзаясь по телу. Теперь Анна ощущала его темным огромным червем, что норовил забраться по ее позвоночнику. А еще она знала, что скоро у червя получится.

И тогда ее, Анны, жизнь оборвется. Не сразу, нет.

– Вставайте, – этот голос заставил отвлечься. – Надо кого-нибудь за целителем послать...

– На хрен.

Острые плечи. Дети, которые пусть и рослые, но все равно дети.

– Надо. Или хотя бы за наставником. Давай ее отведем, и я сбегая... вы идти можете?

Осторожно. Шаг. И еще.

– Аргус, – Анна остановилась, чтобы сосредоточиться, потому что идти и думать было сложно, – Глеба помнишь? Найди. Скажи... как-нибудь, что... кажется, меня вновь пытались убить. Спасибо. – Это уже мальчишкам.

Арвис, который немного изменился с прошлого раза, но Анна понять не могла, в чем именно заключается перемена. И Богдан Калевой в драной рубашке. Вид у него будто с кошкой дрался. И кровью пахнет, правда, Анна не могла толком понять, от него или же от нее.

Идти пришлось до ворот. Целых три шага. Или даже четыре. Невыносимо далеко.

И от ворот до лавки. Надо будет поставить другую, прямо здесь, для вот таких, особых, случаев.

– Спасибо, – на лавку она упала.

А Арвис спросил:

– Пить?

– Да, пожалуйста... на кухне вода... и лимонад. И... что это было?

– Дрянь, – сказал Арвис.

– Скорее всего проклятие отсроченного действия. Или, что вернее, на крови. – Богдан присел рядышком. Двигался он осторожно, явно опасаясь потревожить левую руку. Уложив ее на колени, он пошевелил пальцами. – Я видел этого мальчишку. Он нес коробку, но ничего не произошло, а как только вы взяли ее в руки, проклятие ожило. С отсроченным действием сложно угадать вот так, а вот если сделать привязку на крови...

– У меня нет обыкновения поливать кровью конфеты.

Богдан кривовато улыбнулся. Арвис же подал стакан воды и устроился по другую сторону от Анны. Он погладил руку и сказал:

– Хорошая. Найду ублюдка. Глаза выдавлю.

– Он стал больше говорить, – заметил Калевой. – Но я не уверен, что этому следует радоваться.

Вода была вкусной.

Настолько вкусной, что, когда она закончилась, Анна едва не расплакалась от огорчения. Но стало легче.

– Спасибо вам.

– Анна... хорошая. – Арвис вцепился в ее рукав и прижался, уткнулся лицом в бок, вдохнул. – А его били.

– Кто?

– Да... не важно. – Богдан потер руку. – Это все на самом деле... просто так получилось.

– Илья сказал, что прирежет. Ночью. Он ложку спер. Сделает теперь... и так, – Арвис провел пальцем по горлу, и Анна вздрогнула, потому что сказано это было спокойно, будто речь шла не об убийстве, а о вещах обыкновенных.

– На самом деле все не так и плохо. Мы просто пытаемся выяснить, кто сильнее, вот и... он рубашку порвал. А наш наставник огорчится. И я подумал, что у вас есть нить с иголкой. Почистить я и сам могу, а вот зашить...

– Снимай.

И мальчишка без спора стянул рубашку. На тощем теле его виднелись свежие порезы.

– Не обращайтесь внимания, – он прикрыл один, пересекавший ребра. – Он не со злости.

– Злой, – возразил Арвис.

– Просто его злит, что я... что у меня отец граф...

– У него тоже.

– Прекрати.

– Я знаю. – Арвис ткнул пальцем в порез и велел: – Стой. Знаю. Имя не знаю. Картинку видел. Тогда, когда был... там... плохо. Тварь внутри. Она про всех знала. Я молчу. Они боятся. Мне скорей глотку перережут, чем тебе...

– Никому ничего не перережут, – сказала Анна, надеясь, что ее слова прозвучали в достаточной мере веско. – В конце концов, это совершенно недопустимо. Проблемы нельзя решать только насилем.

Мальчишки переглянулись.

Они явно думали, что Анна просто слишком наивна. Со взрослыми такое случается.

Глеб появился, когда Анна почти пришла в себя.

Он просто-напросто перемахнул через забор, разом проломив собственную защиту, прошелся по плющу и ковру из серебролистника, который только-только начал разрастаться. И вид у него был такой, что мальчишки замерли.

– Привет. – Анна вытерла рукавом губы. Наверняка от нее воняло.

И вид – грязная, растрепанная. Несчастливая. Ей бы укрыться в доме, привести себя в порядок, а она почему-то плачет. Может, потому, что ее давно никто не обнимал? Не успокаивал?

– Все хорошо... – она повторяла это снова и снова, не веря самой себе.

– Все хорошо, – соглашался Глеб, но ему тоже не получалось верить.

А не верить нехорошо.

И когда Анна все же успокоилась – наверное, прошла целая вечность, – она отодвинулась и вздохнула:

– Извините.

– Я вызову целителя?

Она кивнула. И опять вздохнула.

И не без сожаления отодвинулась еще дальше, разом вдруг вспомнив и о правилах приличия, и о том, что вид у нее неподобающий, и...

– Я... мне надо... – она поднялась, не отказавшись от предложенной руки, – переодеться. Я... несколько... не совсем чтобы...

– Конечно.

А еще нужно рассказать ему про мальчишек, которые притаились, и про заточенную ложку. Про все, что еще может случиться, но не должно.

– Анна, – Глеб коснулся ее щеки. – Ты справишься сама? Или... я могу Елену прислать?

– Нет. – От мысли, что в ее, Анны, доме появится эта женщина, становилось дурно. –

Я... сама. Справлюсь.

Он не понял.

Или счел этот отказ обыкновенным дамским капризом. Главное, что кивнул и добавил:

– Не выходи, хорошо?

Хорошо.

Она не выйдет и... конфеты остались на улице. А если кто-то поднимет коробку? Если...

– Все будет хорошо, – вновь пообещал Глеб.

Соврал.

* * *

...Коробка так и лежала.

– Она? – спросил Глеб, хотя других коробок поблизости не наблюдалось. И зверь заворчал, а мальчишки синхронно кивнули.

Откуда они взялись? Сбежали?

И значит, ограда не так уж надежна, как ему казалось. Это плохо. Особенно сейчас, когда в городе неспокойно.

– Кто принес, видели?

– Парень. – Богдан Калевой, почему-то полуголый, поскреб царапину на боку. – Из тех, которые за копейку готовы принести что-нибудь.

– Запомнил его?

Богдан покачал головой. Арвис дернул себя за прядь и сказал:

– Вонь. Запомнил. Его.

– Запах? – уточнил Глеб. А ведь тот мальчишка наверняка прикасался к коробке, и запах должен был остаться. Но возьмет ли его голем...

– Я, – Арвис ткнул себя в грудь. – Пойду. Знаю. Вонь есть. Там.

И, не дожидаясь ответа, он бодро зашагал по дороге. А Калевой за ним. И когда эти двое сумели найти общий язык? А главное, как они выбрались за ограду? Надо будет проверить завесу. И ту, которую он прорвал, хотя не должен был бы. Он ведь ставил надежно, а вышло... нехорошо.

Но об этом Глеб подумает позже.

Глеб только и успел, что подхватить коробку. Оно и вправду, не стоит ей валяться, а то мало ли кто найдет. И что найдет.

Арвис свернул в переулок.

И еще в один. Он шел, прикрыв глаза, и только ноздри раздувались, улавливая след чужого мальчишки. На перекрестке Арвис свернул влево. Затем направо.

Нырнул меж двумя домами, стоявшими до того плотно, что балконы их смыкались над головой Глеба. С балконов свисали простыни и...

– Тут, – Арвис ткнул в дверь, которая отворилась. И черный кошка, устроившийся на горе грязных тряпок, упреждающе зашипел. На голос его отозвалась лаем мелкая собачонка, которую Глеб не видел. Была ли она в одной из квартир доходного дома или вовсе за пределами его? Глеб не знал.

Стены здесь были до того тонки, что звуки пронизывали их.

Протяжно ныла скрипка. Кто-то матерился. Истерично визжала женщина, и голос ее перекрывал надсадный крик младенца.

– Там, – Арвис крутанулся, но двинулся наверх. Он переступил через стоптанные ботинки, сдвинул короб. И перепрыгнул через пару ступеней. – Тут.

Эта дверь мало отличалась от прочих. Потертая, с потрескавшейся краской, которая начала облезать, с темной ручкой и парой веревок, что протянулись прямо над нею.

– Отойдите, – велел Глеб. – И молчите. Арвис, тебя это особенно касается.

Не хватало, чтобы он обложил хозяев. И ведь не объяснишь, что не со зла. Богдан потянул приятеля за рукав, заставив отступить.

Дверь открылась.

Пахло сыростью. Запахом того едкого щелочного мыла, которое продают в больших бутылках. Пригоревшей кашей. Бедностью.

– Есть кто дома? – Глеб огляделся.

Квартирка была крохотной и заполненной вещами. Нашлось тут место и массивному буфету, почти перегородившему дверь, и железной кровати с натертыми до блеска шишечками. На ней белоснежной горой высились подушки.

Рядом покачивалась колыбелька, и привязанная к ней веревка уходила куда-то в сторону.

– Чего нать? – мальчишка вынырнул из комнаты и, увидев Глеба, побелел.

– Стой, – сказал Глеб прежде, чем паренек исчез. – Рубль хочешь?

Рубль он хотел.

Глаза блеснули, а бледные губы приоткрылись. Мальчишка боролся со страхом.

– Лови, – Глеб кинул монету, но мальчишка, вместо того чтобы поймать, поспешно спрятал руки за спину. – Дам еще пять, если честно все расскажешь.

– А чего я...

– Ничего. К тебе у меня претензий нет.

Ему было лет десять или одиннадцать, впрочем, могло стать, что и больше: дети городских окраин росли медленней.

– Я знаю, что ты просто принес коробку. Верно?

Мальчишка кивнул. Взгляд его зацепился за монетку, которая заманчиво поблескивала.

– Опиши того, кто тебе ее передал.

– Так это... никто.

– Как никто?

– Никто, – мальчишка насупился. – Я сам. Барышне. Купил.

– Эти конфеты стоят не меньше ста рублей.

– Сколько?! – удивление мальчишки было неподдельным. А еще непонимание. Неужели кто-то и вправду может потратить эти деньги на пустое.

– Сто, может, и двести, если набор авторский, специальный. Поэтому давай серьезно. Я не хочу впутывать в это дело полицию, но мне придется обратиться к ней, если мы не договоримся. Но мы ведь договоримся?

За стеной вновь заплакал младенец, а мальчишка застыл, сунув мизинец в ноздрю. Он думал. Напряженно так думал.

И Глеб решил помочь. Он вытащил ассигнацию и положил на край стола:

– Вот пять рублей. Они твои.

– Проклятые небось? – проворчал мальчишка, но на деньги посмотрел.

– Отчего проклятые?

– Так батюшка баит, что вы все туточки проклятые: и души проклятые, и деньги ваши тоже проклятые.

– Попросишь его окропить святой водой. Поможет.

Мальчишка кивнул и повеселел. Идея, похоже, пришлась ему по вкусу. Он пожевал губу и сказал:

– Только я это... не видел... мне Микола, который Хромой, кликнул и велел отнестъ. Пять копеек дал... себе небось поболе взял. Он у нас за старшого, если кто поперед другого полезет, то живехонько по хребтине огребет. Микола, он хромой, но дело знает... Вы его поспрошайте.

Глава 2

Микола, прозванный Хромым, обретался на паперти. Он сидел, подогнувши единственную ногу, примостивши рядом самодельный костылик, и вид имел до того жалостливый, что женщины, спешившие к вечерней молитве, то и дело жаловали бедолаге копеечку. Впрочем, конкурентов у Миколы было немного: пара бабок весьма благообразного вида и юродивый, что имел привычку петь срамные частушки. Правда, после он падал на колени и принимался истово креститься на храм, а то и поклоны бил, да старательно так, лоб до крови расшибая.

– Микола?

Мальчишка описал хозяина паперти весьма точно. И лицо у него рябое. И глаз гноится, и рот кривой. Вот только кривизна эта наигранная, да и не пахло от Миколы нищетою, напротив, от лохмотьев исходил слабый аромат табака. Причем весьма недурного.

– Па-да-а-айте на пропитание, – заголосил Микола, и бабки закрестились, закланялись, а юродивый крутанулся на месте. – Боле-е-езному... одно-о-окому...

Глеб кинул рубль.

– Знаешь? – он показал коробку, на которой еще держались ошметки тьмы.

Микола подслеповато мигнул, рот его приоткрылся, выпуская пену.

– Мыло выплюнь, – присоветовал Глеб, – а то подавишься еще ненароком. Ты мне неинтересен. Скажешь, кто коробку передал, и с полицией связываться не буду. А нет, то ответишь и за себя, и за того парня.

Кусочек мыла Микола сплюнул в ладошку и просипел:

– Так знать я ничего не знаю, ведать не ведаю...

– Значит, полиция?

– Пожалей, господи-ине, сироти-инушку...

– Слушай, сиротинушка, – Глеб присел и заглянул ему в глаза. – Я ведь и вправду в полицию пойду. Ты, конечно, сделаешь вид, что знать ничего не знаешь. И добиться свидетельских показаний у меня не выйдет, потому и получится, что кругом ты невиновный. Но... оно тебе надо меня злить?

Микола закатил глаза.

– Я ведь пока добром прошу. Скажи, кто коробку эту принес...

Пена пошла изо рта, а тело задергалось.

– Поможите! Поможите! – взвизгнул юродивый. – Жизни лишают!

Твою ж...

– Бедненького меня маменька бросила... папенька бросил... проклятые, проклятые... грядет лето черное, лето красное, кровью меченое... и будет кровушка идти, литься да по камушкам, ручьями-ручейками... – Юродивый шел боком, приступочкой, похлопывая себя по бедрам, и голос его звенел над площадью, заставляя людей задерживать шаг. – А все почему? Боженку обидели... заветы евонные позабыли... не велел со смертью играть, а они взялись. Пришли. Живое забрали, мертвое слепили. Душу продали... Боженка плачет. Богородица кровавыми слезами заливается...

– Отходим, – тихо сказал Глеб, ухватив Калевого за плечо. И тот не стал стряхивать руку. Кажется, мальчишки тоже ощутили неладное.

А людей становилось больше.

Они шли на визгливый этот голос словно замороженные. Вот пара купцов, судя по одежде, вполне себе степенных и успешных. Дама в парчовом наряде, который выглядит почти вульгарно. Стая старух, что держатся друг друга, будто опасаясь потеряться в этой толпе.

Мужики. И парни. Мастера, подмастерья. Почтенная публика, которой самое место в церкви.

– Хрень, – громко произнес Арвис.

И юродивый, крутанувшись, замер, выпрямил руку:

– Нелюдь! Нелюдь! Идет, души крадет! Как глянет в глаза, как скочит-поскочит... летит-полетит... пойдут да клочки по закоулочкам...

– Рядом, – рявкнул Глеб, активируя щит. И первый камень просвистел над головой.

– Идут... по души ваши идут! Спешите, христиане добрые! Спешите, люди, веру защитить... сырых и слабых... пришли, уморили...

Сзади медленно поднимался Микола.

Встал, опершись на костылик свой, руку протянул и пропел:

– За что, люди добрые? Пришли, мучают... ногу у меня нелюди отняли...

Лучше бы, конечно, голову.

– Арвис, держись рядом. Богдан.

– Да понял я, – мрачно произнес Богдан, разглядывая толпу с тем еще детским интересом, в котором нет страха. А вот Глебу страшно было.

Камни больше не летели, но... люди стояли. Просто стояли и смотрели. Пока просто стояли. И пока еще смотрели.

Он нашел взглядом купца, окруженного тройкой охранников, и шагнул к нему. Толпа отшатнулась.

– Господь на вас смотрит, – визжал юродивый. – Матерь Божья слезы льет... чу, слышу, шепчет, что огнем и мечом... изгонять нелюдь... нежить... прочь-прочь... чтоб ни следа, ни памяти... тьма уйдет, и благословенные времена настанут.

Глеб шел. Спокойно. Глядя в глаза человеку, который так же заворуженно смотрел на Глеба. И охрана за спиной его стиснула деревянные палки, готовая исполнить свой долг. Пахнуло страхом, тем совокупным страхом толпы, который напрочь лишает людей разума.

Дернулся Богдан, споткнувшись о камень, но Глеб удержал мальчишку от падения, лишь дал себе зарок, что сегодня же поставит дополнительную охрану. Не приведи Бог, тот самый, что прятался под позолотой куполов, они окажутся среди толпы одни.

А ведь не усидят. Не тот возраст, чтобы здраво оценить опасность. Не та натура, чтобы смиренно ждать. Все не то, все не так...

– ...И алчут возмездия...

Купец моргнул и отступил в сторону, а следом за ним и охрана. И та дама в парчовом наряде широко перекрестилась. А мужики отвели глаза, попятились, позволяя пройти. Толпа не разошлась, но...

Сегодня повезло.

И Глеб позволил тьме выглянуть, окружить его тело. Пусть люди в большинстве своем лишены способности видеть ее, но почувствуют сполна.

Холод. И близость чего-то такого, чему нет названия, но, безусловно, оно внушает страх, оно заставляет пятиться, расширяя узкий проход, подсказывая, что лучше все же держаться от опасного человека подальше. Им позволили выбраться.

А камень, который бросили в спину, если разобраться, мелочь...

– Ублюдок, – проворчал Арвис, и мысленно Глеб с ним согласился. Хромой и вправду был ублюдком. Хитрым ублюдком, который... ждал? знал? догадывался?

Или тот, кто затеял игру, все рассчитал? Конфеты. Анна. След, который получится взять. Микола и толпа, правда, поднять ее не вышло, но слухи пойдут. Их направят, раздуют до крайности, щедро приправив вымыслом, который смешается с правдой и тоже ею станет.

Ах, до чего погано.

– И что теперь? – тихо спросил Калевой, а Глеб разжал пальцы. Синяки наверняка останутся, но жаловаться Калевой не будет.

– Ничего.

- А если в полицию...
- Местная полиция нас не слишком жалует. Заявление, может, и примут, но по факту доказать, что этот хромой урод имеет отношение к попытке убийства, не выйдет.
- Так... мы просто оставим?
- Нет, – Глеб позволил себе улыбнуться. Тьма кипела в крови. Тьма требовала мести. Ничего, пара дней, и Микола сам явится, сообразит, что не случайно начал кровью кашлять. Глядишь, и поговорчивей станет.
- Глеб улыбнулся и сказал:
- Я ведь его предупредил, что не стоит ссориться с некромантом.

* * *

Анна не находила себе места. Она переделалась. И присела. Встала. Спустилась вниз. Прошла по террасе. Остановилась у ограды, терзаемая и страхом, и желанием немедленно выйти за ворота. И отступила. Вновь вернулась на террасу. Заставила себя присесть. Глеб вернется и объяснит.

Вернется. И...

Или нет? Или сочтет, что в последнее время от нее, от Анны, слишком много беспокойства? А у него собственные проблемы имеются, куда ему еще с чужими возиться.

Вдохнула. Заставила себя досчитать до ста, а после от ста до единицы. И снова до ста. Время тянулось, и ничего не происходило. Разве что воробьи, давно обжившие чердак, спустились ниже. Они чирикали так громко, что у Анны разболелась голова.

Или не воробьи тому виной?

Куда ушел Глеб? Зачем взял мальчишек?

Анна подняла изорванную рубашку, сплела простенькое заклятие, снимая грязь. Вернулась в дом за шкатулкой. Она терпеть не могла вот такого, неопределенного, состояния, когда приходилось просто ждать.

Чинить рубашку в нынешнем ее состоянии было бессмысленно, но...

Анна вдела нить в иглу. И заставила себя сосредоточиться на деле. Разложив рубашку на столе, Анна сделала первый стежок.

Вернется.

И возможно, Анне лучше отбыть в Петергоф... или дело в доме? Может, ее поэтому убить хотят? Если Анна умрет, то дом выставят на продажу. Его купит кто-то в достаточной мере родовитый, чтобы великолепной княгине было не зазорно соседствовать с ним.

Нет, чушь какая... Благородные княгини не опускаются до убийства. Не из-за домов.

Швы получались ровными, аккуратными. Но Глебу сказать следует. Мальчишки, дети... глупости творят. Достаточно большие, чтобы возомнить себя взрослыми, а на деле... И поговорить не выйдет, кто Анну воспримет всерьез? Кто она вообще...

Анна вздохнула.

– Эй, – этот голос отвлек от работы. – Анна Платоновна... Анна Платоновна!

Заворчал Аргус.

– Да? – Анна повернулась к ограде, за которой пританцовывал уже известный Анне человек. Ныне он вырядился в ярко-лиловый костюм, который дополнил серой фетровой шляпой.

– Анна Платоновна, мне очень нужно поговорить с вами!

– О чем?

– Это приватное дело...

– Я не собираюсь продавать дом.

Страх сменился злостью. В конце концов, Анна выбрала это место, когда думала, что у нее будет время выстроить новую жизнь. Она изменила его. И изменилась сама. Она выросла,

сроднилась с домом. И дело не только в оранжерее, которую перевозить дорого, и не в обитаемых ее – многие слишком капризны, чтобы пережить переезд. Дело в том, что Анна просто-напросто не хочет уезжать.

И она в своем праве.

– Послушайте... – Человек подпрыгнул, пытаясь разглядеть что-то за оградой. – Я понимаю, что вы привыкли к месту, но... у меня отличное предложение.

– Нет.

– Вы даже не хотите выслушать!

– Не хочу.

– Но вы должны!

– Если я кому и должна, то не вам. – Анна перевернула рубашку и разгладила шов. Занятие бессмысленное, но, следует признать, успокаивающее.

– Вы меня даже не впустите?

– Не впущу.

– Почему?

– Не хочу.

– И не подойдете ближе?

– Не подойду, – согласилась Анна.

– Но... почему? – это было сказано с таким удивлением, что Анна даже отвлеклась. – Помилуйте, я не собираюсь причинять вам вред, я просто хочу поговорить. Я нашел вам новый дом! На самом побережье! Не пройдет и года, как там будет выстроен целый поселок! Современная архитектура. Работа лучших мастеров...

– Нет.

– Ваше упрямство несказанно меня печалит. К чему оно? Вы же умная женщина, вы понимаете, что весьма скоро этот город преобразится. И вам здесь станет неудобно! Я предлагаю отличный вариант: кроме дома вы получите приличную сумму денег, которая позволит вам жить, ни в чем себе не отказывая.

– Я и так живу, ни в чем себе не отказывая. – Анна все же поднялась, а с ней поднялся и Аргус. – Кто ваш заказчик?

– Но это лучше, чем, допустим, потерять недвижимость. Вы знаете, что старые дома порой так... опасны...

Аргус оскалился, но он держался позади Анны, а ограда была в достаточной мере высока, чтобы не позволить гостю разглядеть двор.

– С ними вечно что-то приключается. У одного моего знакомого дом сгорел. Да-да, просто взял и вспыхнул. И главное, страховая компания отказала в выплате! Дом ведь старый. Реставрационные работы не проводились. Правила техники безопасности не соблюдались. А еще у одного знакомого, представляете, дом древоточцы сожрали.

– Мой каменный. Подавятся.

– У вас удивительное чувство юмора. – Он приподнял шляпу и поклонился. – Анна... могу я вас так называть?

– Нет.

– Я восхищен вами, вашим характером, вашей стойкостью, и я бы хотел предложить вам ужин.

– Спасибо, у меня уже есть один.

– В ресторане.

– Не люблю рестораны.

– Аннушка, не упрямитесь. Вы взрослая женщина, и вы выше кокетства...

– Почему? – Злость отступала.

– Потому что вы знаете цену времени! – Он прижал руки к груди. – Вот здесь бьется сердце одинокого человека, которому, быть может, повезло. И как знать, может, повезло не только ему? Разве два одиночества не способны составить счастье друг друга?

Свое счастье Анна представляла себе несколько иным.

И неужели он и вправду надеется, что одного ужина будет достаточно, чтобы она передумала? Или... конечно, чего еще ждет от жизни одинокая женщина, кроме как не спасения от своего одиночества? И ей бы ухватиться за спасителя обеими руками, чтобы не сбежал раньше времени, а заодно стряхнуть пыль со свадебной фаты и написать две дюжины пригласительных открыток, в преддверии так сказать.

– Кто ваш клиент?

– Мы еще не так близки, чтобы обсуждать столь личные вопросы. – Ее гость пригладил усы. – Но, уверяю вас, в моих интересах заставить его проявить к вам щедрость. Подумайте, Аннушка, что вы цепляетесь за это старье? Новый дом будет просторен и светел... вам хватит места.

– Нет, – Анна развернулась. Разговор стал скучен, а мысль о том, что убить ее хотят ради дома, показалась нелепой.

Зачем тогда отправлять этого?.. Или затем, чтобы убедиться, что Анна мертва?

Нет, как-то все... слишком сложно. И вообще какой смысл в ее, Анны, смерти? Кому вообще она могла помешать, кроме...

И это тоже нелепость. Сестра Глеба, конечно, оказалась не самой приятной особой, но...

Анна помогала собирать ей саквояж и точно знала, что в нем не нашлось бы места для деревянной коробки из лучшей кондитерской Петергофа. В него едва влезли пара ночных рубашек, платья и чулки. И... не странно ли, что не влезли?

Теперь Анне даже это обстоятельство казалось подозрительным.

– Послушайте. – Господин стянул фетровую шляпу и прижал ее к груди. – Я понимаю, все понимаю, но мои клиенты – весьма решительные люди. И конечно, я вам не угрожаю...

– Не хватало, чтобы вы мне угрожали.

– Однако обстоятельства могут повернуться таким образом, что вы лишитесь этого дома, но не обретете нового...

– Будьте любезны, – Анна не любила говорить так, глядя поверх человека, будто его не существовало вовсе, но порой ей приходилось. – Передайте вашим клиентам, что со всеми вопросами и предложениями они могут обращаться к моему бывшему мужу. Впрочем, я сама сообщу ему о вашем интересе. Надеюсь, вы найдете общий язык.

– Конечно... – похоже, ее поняли несколько превратно, иначе почему странный этот человек столь явно обрадовался. – Красивой женщине не следует утомлять себя такими сложными вопросами... Вот моя визитка.

– Положите, – велела Анна. – Да-да, вот здесь, у ворот. Или в почтовый ящик отправить можете.

Кажется, ее сочли странной. Кажется... Пускай.

Анна вернулась на террасу. Ее ждала незащищенная рубашка и мысли, с которыми она не хотела оставаться наедине, но выбора не было.

Глава 3

Земляной выковырял шоколадный шарик из ячейки и сунул в рот. Зажмурился от удовольствия, почти замурлыкал. И Анна не выдержала:

– Как вы можете это есть...

– С удовольствием, – ответил он с набитым ртом. – Что? Подумаешь, прокляты слегка... но шоколад-то какой! Вот овсянка с проклятием – это совсем, совсем не то, овсянку я и без проклятий не люблю, хотя дед полагал, что она очень полезна для детей.

Он демонстративно облизал пальцы.

– А вот шоколад – дело другое... – Земляной икнул. – И проклятие только остроты добавляет... К слову, оно так себе, средненькое. Силы в него вложили изрядно, но вот искусности не хватает.

Остановившись у стены, он зажмурился:

– Ага... связки первичные грубые весьма, а вторичные спутаны. В структуре ошибка, которая, собственно говоря, вас и спасла.

Земляной вновь икнул:

– Извините...

Анна пожалала плечами. Выглядела она растерянной, но отнюдь не несчастной.

– Может, вам уехать?

– Нет, – ответила она. – В первый раз меня пытались убить в Петергофе. Не думаю, что расстояние спасет.

– А если за границу?

– Что мне делать за границей?

– А что там все делают? – Земляной приоткрыл левый глаз, в котором проступила характерная желтизна.

К вечеру исчезнет. И конфеты проклятые он доест, тут и думать нечего. И хорошо, если сам, главное, чтобы мальчишкам не скормил в воспитательных целях. Будут потом животами маяться. А Земляной же об этом не подумает.

– Понятия не имею.

– Вот и узнаете.

– Нет, – Анна тряхнула головой. – У меня оранжерея. Заказы. И проклятие, в конце концов... И я не хочу, чтобы мой дом сгорел. Или его сожрали древоточцы. Или приключилось еще какое-нибудь несчастье. Я не знаю, что за этим стоит, но зачем кому-то надо меня убивать?

– Может, и незачем, а может... Скажите, у вас тут не появилось вдруг желания отыскать своих настоящих родителей?

– Для чего? – а теперь удивление Анны было совершенно искренним.

– Не знаю... обвинение там выдвинуть. Или упасть на грудь и оросить слезами.

Она фыркнула и отвернулась к окну. Тонкий профиль, в котором теперь Глебу видится что-то донельзя знакомое, но он понятия не имеет, что именно.

Это от усталости.

И раздражения. Тьма не желала ждать, когда наглый человечико одумается. Тьма уговаривала отпустить ее. Уж она-то сумеет добраться до глупца, который осмелился перечесть мастеру. Она... заставит его пожалеть.

И раскаяться. И рассказать все-все...

Тьму Глеб сдерживал, правда, не без труда.

– Значит, не думали...

– К чему это все? – Глеб наблюдал за Анной, надеясь, что внимание его не будет истолковано превратно. Он просто смотрит.

Смотреть он может.

Он и его тьма, которая рядом с Анной замолкает. Ей тоже нравится. Да, именно смотреть. И слушать.

И еще ненароком коснуться руки, которая холодна, но Глеб все равно слышит, как бьется пульс. Анне страшно. А гордость мешает выказать страх. И она притворяется, будто бы все в полном порядке, будто она совершенно спокойна, но сердце не обманешь.

Обманешь.

Тьма смеется. Она-то знает, что можно сделать с сердцем. И не только с ним.

– Да к тому, что на первый взгляд причин избавляться от тебя нет. – Земляной открыл и второй глаз. И смотрел он на Глеба. Этак внимательно, даже с некоторым удивлением. – Что у нас там по классике? Деньги? Если вы умрете, кто их получит?

Анна рассеянно пожала плечами:

– Несколько благотворительных фондов плюс будет учреждена стипендия. Дом и оранжерея отойдут ботаническому обществу.

– То есть личного интереса как бы и нет...

– Дом... – Она поежилась, провела ладонями по обнаженным рукам. – Его хотят купить. Очень назойливо хотят. Но... ко мне сегодня приходили, просили, чтобы продала. И если так, зачем давить?

– Может, затем, что проще купить у ботанического общества?

– Я тоже об этом думала, – Анна кивнула и встала, но тут же села. – Однако есть некоторые нюансы. Во-первых, в завещании четко оговорено требование сохранить оранжерею. Не обязательно в доме, но все равно сохранить. То есть ее должны будут по меньшей мере перевезти.

– Это не так и долго...

– Возможно, однако... я знаю законы. Далеко не все и отнюдь не так хорошо, как законники. Никанор любил обсуждать дела. Не то чтобы ему требовалось мое мнение, просто слушатель нужен был, однако я знаю, что нельзя просто так взять и вступить в права. На это дается полгода после смерти завещателя. Процесс оформления документов занимает около трех месяцев, если возникает спорная ситуация, то возможен суд. Но спорной не будет. Так что пользоваться домом они могут сразу, а вот продать его – только через полгода, когда истечет срок предъявления возможных претензий.

– И это не так долго. – Земляной опустился на пол, сел, скрестив ноги. Вид у него был задумчивый. – Из того, что я понял, город ждут перемены, но не в ближайшем будущем. Полгода они вполне способны погодить. Достаточно подписать договор о намерениях.

Анне это не понравилось:

– Я говорила с Никанором. Я изменю завещание. – Она вновь поднялась и прошла по кабинету, чтобы остановиться перед шкафом. В пыльном стекле его виднелось отражение, несколько искаженное, скорее напоминающее портрет.

И отнюдь не Анны.

– Вы ведь не передумали относительно школы? – Анна обернулась и посмотрела на Глеба. – Вы ее создадите?

– Во всяком случае, попробуем, – ответил за него Земляной. – Если ученички раньше друг друга не поубивают.

– Вы уж постарайтесь.

Получилось довольно язвительно.

– Стараемся... мы-то стараемся, да только... – он махнул рукой. – Дело даже не в них. Тьма, она порой дурное шепчет. Знает, где слабина. И давит, давит, пока не прорвет. Поэтому порой дар лучше не будить. Но если уж проснулся, то надо учиться контролю. Или ты ее, или она тебя.

Тьма Глеба молчала.

– В таком случае, надеюсь, вы сумеете сполна распорядиться оранжереей.

– Мы-то сумеем. – Земляной почесал затылок о стену. – Но вы бы не торопились умирать. Глебушка вон огорчится... если что, мы, конечно, поднимем. Только, сами понимаете, это уже не то.

– Не буду, – она сумела улыбнуться. – А теперь, если позволите... Этот день был тяжел. И я устала.

Она отвернулась от своего отражения.

Бледное лицо. Светлые волосы. И темное платье прямого кроя, которое на ком другом смотрелось бы чересчур уж простым, уродливым даже, лишь подчеркивало нечеловеческую хрупкость Анны.

– И за мальчиками присмотрите. Пожалуйста.

– Присмотрим, – пообещал Земляной.

– У них неладно... и еще с Ильей... то есть с Арвисом. Он сказал, что знает, кто отец Ильи. Не имя, но... рисунок. Предполагаю, что речь о гербе идет. Вы спросите. Возможно... не факт, конечно, но возможно, стоит отписать. – Анна сцепила руки. И смотреть старалась в сторону. Бледные щеки ее слегка порозовели.

– Отпишем. Всенепременно. – Земляной сунул за щеку конфету и поинтересовался: – А вы не желаете на бал сходить? Который в ратуше... городской... благотворительный...

– А надо? – Приподнятая бровь. Удивление.

– Хотелось бы... Но, боюсь, нам будут не рады, настолько не рады, что может не остаться билетов, а побывать нам надо.

Анна склонила голову и сказала:

– Я попрошу Никанора. И я не думаю, что мое прошлое имеет какое-то отношение к нынешним делам.

Арвис и вправду нарисовал картинку, кривоватую, но вполне себе узнаваемую. Вот ведь... и вправду отписать придется. Иначе не простят.

Но Илье Глеб ничего не скажет. Пока.

В конце концов, твари не лгут, но и с правдой обращаются весьма вольно.

* * *

У дома Анну ждали розы.

Огромный букет белых полупрозрачных роз того сорта, который выращивали лишь в теплицах Петергофа. Тугие бутоны едва раскрылись. На лепестках блестела начарованная роса, которая никогда не исчезнет, но лишь, возможно, изменит цвет по новой моде.

Белая лента. Карточка. И смутное нежелание прикасаться.

Глеб провел над букетом ладонью и сказал:

– Чистый, но...

– Забирайте.

– Зачем мне цветы? – он нахмурился, явно ища подвох.

– Не знаю... подарите сестре? У меня не поднимется рука их выкинуть. А смотреть, как умирают, не люблю... хотя... – Анна коснулась восковых лепестков. – Они уже мертвы. Не слышали? Новая технология консервации. Специальный раствор, толика силы – и вот уже букет стоит месяцами, не теряя красоты...

Ей было жаль цветов. И жаль себя. И еще немного страшно.

Глеб молча вытащил из букета карточку и передал Анне.

* * *

Надеюсь на скорую встречу. Олег

* * *

Запах сохранился. Тот полупрозрачный, словно вуаль, аромат, который был неназойлив и мягок. Он окружал. Очаровывал.

– Не знаю, почему вдруг... – Анна пожала плечами, не зная, как еще объяснить появление этого букета. И странную записку. Она не давала повода.

Но почему-то чувство неловкости не исчезло. Как и чувство вины. Ерунда какая...

– Возможно, вы ему понравились.

– Вряд ли. – Карточка была жесткой и с колючими уголками.

– Это почему? Вы красивая женщина...

– Только проклятая. И вы знаете, что, даже если убрать проклятие, от всех последствий не избавиться. Я никогда не смогу родить ребенка.

Почему она это говорит?

Неподходящая тема для беседы с мужчиной, которого Анна уже не могла назвать в полной мере посторонним. Да она и с Никанором стеснялась говорить на подобные темы, позволяя себе переложить эту неприятную обязанность на целителей.

– Вас это печалит? – Глеб предложил руку. – Не хотите прогуляться? Погода нынче...

Замечательная.

Небо ясное. Звезды рассыпью. Полукруг луны словно кусок сыра на веревке. Свет на крышах, на камнях. Сонные дома. Тишина.

– С преогромным удовольствием. – Страхи отступили.

Они вернутся потом, когда Анна останется одна в пустом своем доме, который больше не казался сколь бы то ни было надежным убежищем. Но сейчас... сейчас все было иначе.

– Что до ребенка, то... да, одно время я... мне было тяжело свыкнуться с этой мыслью. И не могу сказать, чтобы я так уж хотела детей, просто... я ведь женщина, но получается, что как бы не совсем и женщина, если Господь лишил меня этой возможности. Моя свекровь, бывшая свекровь, когда стала точно известна причина моей бездетности, как-то высказалась, что мне следует уйти в монастырь. Что, верно, мои грехи столь тяжелы... – Анна замолчала.

Они шли по улочке, которая была пуста и чиста. Душно пахло черемухой, и стало быть, завтра похолодает. Надо будет поставить полог над розами, а еще провести-таки обрезку, пока кусты окончательно не спутались.

– Я все пыталась понять, что же сделала не так. Но теперь думаю, что Господь ни при чем. И грехи тоже ни при чем. Просто так сложились обстоятельства.

Розы Глеб держал аккуратно, но чувствовалось, что этот чужой букет его раздражает.

Никанор не умел справляться с раздражением. Он выплескивал его в язвительных словах, словно нарочно пытаясь уколоть побольнее. И ему требовался ответ, повод достаточно веский, чтобы дать волю гневу. Анна же молчала. И это злило его еще сильнее.

Странно, но после развода общаться с ним стало куда как легче.

– И вы решили развестись? Прошу прощения, если этот вопрос...

– Обыкновенен. Да, решила. И да, отчасти из-за этой своей неспособности. Я понимала, что Никанору нужен наследник. И он найдет способ его получить. Он всегда получал то, что хотел. Характер... я не желала становиться декоративной женой. А еще поняла, что все эти годы жила не своей жизнью.

Где-то вдалеке раздалось ржание, громыхнули колеса, и вновь все стихло.

– Мне стало жаль этого потерянного времени. Я понимала, что, возможно, осталось мне не так и много. Но то, что осталось, оно было мое. Я больше не хотела тратить его, притворяться кем-то, кем не являюсь. Великосветские игры, балы... маски. Нет, – Анна покачала головой. – К тому же Никанор рано или поздно, но пришел бы к мысли о разводе. А если так, то лучше быть первой.

– Почему?

Анна пожала плечами:

– Я могла диктовать условия. И да, у нас получилось расстаться и в то же время остаться в дружеских отношениях. Я знаю, что, если мне нужна будет помощь, Никанор ее окажет. И он знает, что если ему понадобится... правда, я представить не могу, что именно, но если в моих силах... он единственный, пожалуй, кого я могу назвать в полной мере родным человеком.

Улица вливалась в другую, которая была освещена куда как ярче. Широкая мостовая. Берега тротуаров.

Далекие огоньки, которые разбавляли ночь. Еще более далекие дома.

– Это ненормально, наверное. Я его не люблю больше. То есть не люблю, как должно любить мужа. Или просто мужчину, но вот... родич? Пожалуй. И просто друг. Женщины странные, да?

И почему Глеб улыбается?

Разве Анна сказала что-то смешное? Ее тянет улыбнуться в ответ. И Анна улыбается. И... смотрит. Ей сложно смотреть в глаза людям, но здесь и сейчас можно.

Ночь укроет. Все знают, что ночью позволено больше, чем днем.

– Странные, – согласился Глеб. – Но разве это плохо?

– Понятия не имею.

Когда он стоит вот так, слишком близко, Анне становится неловко. И она прячет эту неловкость, отводя взгляд, вот только...

Ночью и вправду позволено больше, чем днем.

И ей бы возмутиться. Разве давала она повод целовать себя? И... и уж тем более она не должна была отвечать на этот поцелуй, давая надежду на нечто большее, когда у них не может быть большего.

Но...

Луна. И звезды. И зыбкое ночное почти что счастье, которое утром растает без следа. Однако до утра далеко, а значит... значит, Анна может позволить себе хоть ненадолго снова стать женщиной.

Женщины... они определенно странные.

Да.

Глава 4

Цветы Глеб обратил в тлен. Просто так.

Просто тьме не нравилось, когда кто-то пытался отнять у нее добычу.

Нет, не в этом дело. Анна не добыча. Она... слабость? Минутная, не более того, потому что иных слабостей Глеб не может позволить себе. Просто ему не понравился этот букет. Может ведь такое случиться?

Глеб отряхнул ладони.

– Глеб? – Елена вышла из темноты, с которой почти сроднилась. Черное платье делало ее старше, черная шаль лежала на плечах, словно крылья. Черная шляпка укрывала волосы.

Лишь лицо было бледным. Белым.

– Могу я с тобой поговорить? – она по-прежнему избегала смотреть в глаза. А еще то чувство легкости, которое появилось после ночной прогулки, исчезло.

– Сейчас?

– Лучше сейчас. Боюсь, потом будет поздно. – Елена поправила шаль. – И не в доме. Твой друг на редкость бесцеремонен.

– Он тебя обидел?

– Спросил, как умер мой муж. И сказал, что мне еще повезло. В чем везение? – злость ее прорвалась, заставив тьму замереть. – В том, что я теперь обречена жить... кем? Вечной вдовой? Проклятой?

– Почему проклятой?

– А думаешь, в свете не свяжут безумие нашего отца и мое вдовство? Буду весьма удивлена... Ты с ней гулял?

– С кем?

– С этой женщиной...

– Ее зовут Анна.

– Я знаю, как ее зовут. – Ледяная рука коснулась его лица. – Глеб, я понимаю, что ты взрослый мужчина, у тебя есть определенные потребности, но заводить роман с этой...

– Когда вы успели поссориться?

– Помилуй, мы не ссорились.

Она была невысокой, но больше не казалась хрупкой, да и жалости не вызывала. Тьма смеялась. Обманулся, Глебушка? Обмануть тебя легко. Ты и сам рад.

– В конце концов, кто она такая?

– Кто?

– Это ты мне скажи. Надеюсь, ты поймешь, насколько нелепо это твое увлечение... я бы поняла, если бы ты планировал создать семью...

Пауза. И ожидание.

И кажется, ее вполне удовлетворило молчание, которое Елена сочла ответом.

– Но даже если просто роман... Глеб, неужели ты не мог найти кого попримечней? Помо-
ложе? Да она же... старая!

– Не старше меня.

– И что?

– Ничего. Ты об этом поговорить хотела?

– И об этом тоже. Но вообще я о школе... – Елена скрестила руки на груди, будто защищаясь от него. – Это... неудачная идея. Крайне неудачная идея.

– Почему?

– Наталья...

– А если без Натальи?

– Ты злишься на нее? Я понимаю, что у тебя есть причины. И у меня тоже. Возможно, я слишком уж привыкла ей верить, но в том, что касается школы, Наталья права. Это безумная идея! Ты-то должен понимать, что такое тьма. Ей не место в мире. А ты собираешься дать этим мальчишкам силу! Обучить их! Выпустить к людям!

Она почти кричала, но почему-то шепотом, и это тоже было странно.

– Ты их вообще видел?

– Представь себе. Каждый день.

– Беспризорники. И нелюдь.

– Не все из них были беспризорниками, – счел нужным уточнить Глеб. – А если кто и был, то в том нет их вины. И вообще, какая разница? Сила не выбирает.

– А кто выбирает? Ты?

– Почему бы и нет?

Елена покачала головой:

– Не много ли ты на себя берешь? Глеб, я понимаю, что тебе хочется помочь этим детям.

Но уверен ли ты, что и вправду помогаешь? Ваш дар – это скорее проклятие.

– Возможно. Но какие варианты? Их дар уже проснулся, он не угаснет с течением времени. Либо они научатся его контролировать, либо...

Тьма получит новую пищу.

Она всегда получает.

Сколько по отчету Калеева в империи таких вот недоучек, чей дар оказался слишком силен, чтобы просто уснуть с возрастом? Или тех, в ком он пробудился благодаря внешним обстоятельствам, как правило, не самого приятного толка?

Единицы смогли справиться сами. Остальные сходили с ума.

Это ведь так просто, прислушаться к шепоту, позволить себе чуть больше. Малость за малостью, шаг за шагом...

– Провести обряд...

– Который они вряд ли переживут. А если и переживут, то как надолго? Сколько им понадобится, чтобы сойти с ума?

Елена поджала губы:

– Люди вас ненавидят.

– Пускай. Люди всегда кого-то да ненавидят.

– Нет, я не об абстрактных людях, Глеб. Я о тех, которые в этом городе... я решила выйти...

Душу опалило холодом.

– Я же просил...

– Если твоей... метрессе можно, то почему нельзя мне? – Она дернула плечом. – Я просто хотела понять, где оказалась. Так вот, здесь думают, что ваша школа принесет беду. И что лучше бы вам вовсе ее не открывать. Люди настроены весьма решительно.

– Именно поэтому тебе лучше уехать.

– Куда?

– Да хоть в Петергоф. Поживешь в нашем доме. Подыщешь себе другой, хочешь в Петергофе, хочешь где-нибудь еще. Я напишу управляющему, он подберет тихое поместье...

– В котором я вынуждена буду провести остаток жизни. И чем это лучше монастыря?

– И чего ты хочешь?

Рядом мелькнула искра тьмы и погасла.

Чья? Земляной прятаться не стал бы, а вот дети... Кто? Арвис? Глеб прислушался, но в одичавшем саду было тихо. Разве что кузнечики стрекотали.

– И чего ты хочешь?

– Чтобы ты перестал размениваться на пустяки. Мы должны вернуться в Петергоф.

– Возвращайся.

– Несчастной вдовой, которую не слишком рады видеть? – Елена фыркнула, а колючий куст шиповника закачался, внутри что-то зашелестело, выдавая крайне неподходящее укрытие. – Если я вернусь одна, мне только и останется, что сидеть дома и принимать соболезнования. Если обо мне вообще вспомнят. Но если вернешься ты... ты многим будешь интересен.

– А ты со мной.

– Естественно.

Кузнечики совсем уж разошлись, где-то в глубине зарокотали жабы. Надо будет вызвать кого, чтобы пруд расчистили, пока он окончательно не превратился в болото с тухлой водой.

– Конечно, я помню о трауре, но мне нужно будет время привести себя в порядок. Как раз пока ты не представишь меня ко двору. Николай тебе не откажет, если попросишь.

А Елена уверена, что попросит, что не откажет ей. И Глеб не отказал бы. Еще месяц тому назад не отказал бы. Что изменилось?

– Слухов не избежать, это я понимаю. Но если меня примут при дворе, то все недоброжелатели заткнутся. А дальше... Я молода. Хороша собой. Приданое... ты выделишь мне долю в наследстве. У меня неплохие шансы устроить свою жизнь. И на этот раз к выбору мужа я подойду куда серьезней.

– Нет.

– Что?

– Нет, – повторил Глеб.

Когда она выросла?

Он помнил ее еще испуганной девочкой, которая пряталась в юбках няньки, глядя на Глеба с откровенным ужасом. Или неловким подростком, слишком нервным, чтобы можно было с ней говорить о чем-то помимо погоды. Юной девушкой...

Первый бал. Восторг.

И ощущение, что вот теперь-то она поймет, что Глеб ей не враг. Влюбленность, нагрянувшая неожиданно, словно гроза по весне. Свадьба... ее робость. Наталья, с которой они ходят вдвоем, и монашеское строгое облачение подчеркивает легкость Елены.

– Я не вернусь в Петергоф. Мне там делать нечего. Я не буду дергать Николая по пустякам. И я не позволю выбрать подходящую мне жену. Если я решу жениться, я выберу того, кого сочту нужным. Я не закрою школу. Я не откажусь от этих детей. И от Анны. Так что... нет.

Губы Елены задрожали, а по щеке поползла слеза.

– Переигрываешь, – почему-то теперь ему это показное горе казалось нелепым, словно чужая маска, которую Елена примерила. – И да, думаю, тебе действительно стоит уехать. Я распорядюсь, чтобы приготовили дом. А пока... вполне можешь остановиться в гостинице.

– Нет. – Слезу Елена смахнула. – Если ты такой дурак, я не найду другого слова, то я обязана остаться рядом. Возможно, скоро ты поймешь, насколько все не так.

Она развернулась и ушла. Остановилась, правда, ненадолго, верно полагая, что достигнутый внезапным раскаянием и осознанием Глеб ее догонит, извинится и согласится на все, но он щелкнул по листу и велел:

– Выходи.

Арвис угрем выскользнул из колючих плетей. Был он гол и растрепан.

– Одежда где?

– Там. Спрятал.

– Как ты?

– Голова. Болит. Иногда. Слов много. Тяжело, – он ткнул пальцем в висок. – Пройдет?

– Пройдет.

Арвис уселся прямо на траву и почесал плечо. Кожа его в темноте казалась серой, а шрамы выделялись розовыми полосками.

– Не беспокоят?

Он покачал головой. И сказал:

– Ветер говорит. Плохо. Будет плохо. Кровь. Здесь. Близко. Я не уметь. Слов много. Я вести. Кровь. И ветер... плакать. Ветер не любить, когда кровь.

– Так... погоди... идти далеко?

Арвис покачал головой и, ткнув пальцем куда-то в темноту, сказал:

– Там.

* * *

Земляной понял с полуслова.

– Погоди. – Он откинул крышку, вытащив существо, более всего похожее на крупную крысу, правда, покрытую чешуей.

Пара револьверов. Трость, в которой скрывался клинок. И пара чистых камней. На всякий случай.

Арвис приплясывал от нетерпения.

– А одежда где? – поинтересовался Земляной, принохиваясь.

Пахло цветами. Травой. Землей.

А мальчишка сорвался на бег. Он был быстр и ловок, и ограду, что самое поганое, перемахнул, будто бы и не было ни стены колючего кустарника, ни металлических прутьев, ни завесы заклятий.

– Вот же ж... талант на нашу голову. – Земляной последовал за мальчишкой, правда, пришлось зацепиться тростью за крюк, но преграду и он преодолел легко.

– Ворота есть, – проворчал Глеб, оказавшись по ту сторону.

Улица.

Точно такая же, как прежде. Те же камни, тот же лунный свет на них. Тяжелые столбы фонарей, которые почти погасли, ибо время все же позднее и нехорошо беспокоить людей.

Запахи.

Прежние, разве что добавились другие – пыли и города. Но крови Глеб не чуял. А Арвис, опустившись на четвереньки, летел по улице.

Уродливая фигура, в которой ничего-то человеческого не осталось. Человек не способен так вывернуть тело, да и бежать ему удобнее на двоих, а не вот так, расставив колени, подобрав стопы под изогнутую, изломанную спину.

Пришлось догонять.

– Вот же... – Земляной выругался.

Ему приходилось стараться, чтобы не отстать. Арвис свернул в переулок.

И в еще один. Другой. Третий. Залаяли и стихли собаки, чтобы спустя минуту разразиться скорбным воем. Завизжала лошадь, загрохотала подковами по камням.

Вонь.

И улочки становятся уже. А дома – грязнее. Они жмутся один к другому тесно, переплетаясь веревками, на которых сохнет грязноватое даже после стирки белье. То тут, то там из домов вырастают балкончики, сооруженные наспех из досок и всякого хлама. Некоторые срываются с соседними, порой перекрывая и без того тесную улицу.

Здесь уже не пахнет розами. Откуда им взяться?

Камень. Дерево. Гниль. Кучи мусора. Арвис остановился у одной, прислушиваясь к чему-то.

– Чуешь? – Земляной запыхался, но теперь его ноздри подрагивали, да и сам Глеб чувствовал близость силы, близость смерти.

Они опоздали.

Граница миров, нарушенная убийством, стремительно восстанавливалась, но память она сохранит еще пару минут.

Или часов.

И этот отпечаток не под силу вывести и самому умелому некроманту, а стало быть, у них есть шанс.

– Тут, – Арвис поскреб стену дома, явно примеряясь, как бы половчей вскарабкаться. – Ближко. Ушел...

– Погоди. – Земляной вытащил голема, которого поставил на землю. Щелкнул пальцами, активируя. Крыса несколько секунд сидела неподвижно, но вот длинный нос ее дрогнул, шелкнулись усы.

– Веди.

Мальчишка все-таки оставил стену.

Дверь здесь имелаась – низкая, просевшая, огласившая скрипом ночную тишину. И за ней Глеба встретила темнота, не та, коварная, которая живет внутри у каждого, но обыкновенная. Она прятала узкую лестницу, заваленную вещами. Она подставила острый угол стула. Или табурета?

Главное, что этот угол больно впился в ногу. Она разлила сладковатый аромат крови, ненадолго заглушив иные запахи не самого приятного свойства. Где-то вновь заскулила собачонка.

Дом был старым, даже древним. Он забыл времена, когда обитали в нем люди приличные, имевшие уважение и к собственности, и друг к другу. Ныне некогда просторные квартиры разделили тонкими перегородками на каморки, в которых люди ютились столь тесно, что порой оставалось лишь удивляться, как вообще они способны выжить в этой самой тесноте.

Запах становится ярче.

Но источник его отыскать не выходит. Он словно окружает Глеба, дразнит, и тьма меняется. Она шепчет, что на самом деле кровь – это лишь жидкость, что не стоит придавать ей такого уж значения.

– Твою ж... – Земляной добавил пару слов, отчего-то шепотом.

А потом Глеб увидел приоткрытую дверь.

Из-под нее выглядывала полоска желтого света, перед которой остановился Арвис. Мальчишка застыл, вытянув шею. Его фигура по-прежнему мало напоминала человеческую. Он тяжело дышал, и ребра почти прорывали сероватую кожу, на которой проступил бледный узор. Частью его перекрывали шрамы, но и их оказалось недостаточно, чтобы полностью разорвать вязь родовой татуировки.

Стало быть, их все же не рисуют.

– Подвинься, малыш, – Земляной осторожно прикоснулся к его плечу. – Я бы тебя за Мирославом отправил, но, пожалуй, не стоит. Чую, здесь и без того станет людно.

Арвис был горячим.

И он явно плохо понимал, что происходит. Вот опустились поднятые плечи. Дернулась шея, взметнулась рука, мазнув по ней.

– Присядь, – Глеб толкнул мальчишку в угол. – Дыши ртом. И... если кого услышишь, предупреди. Сумеешь?

Арвис кивнул:

– Там... там... плохо. Дрянь!

– Верю. Но иногда приходится и с дрянью дело иметь...

Глава 5

Кровь подобралась к порогу.

Темная звездочка на темном полу. И еще одна. Вторая... третья... дорожка из капель, проложенная будто нарочно, чтобы гости не заплутали.

Лужица, которая глянцево поблескивает.

Света здесь довольно, и что-то подсказывало Глебу, что свет этот оставили специально. Уж больно грязной и негодной выглядела квартирка, чтобы обитатели ее могли позволить себе камни. Но вот один лежит на грязном столе. Вторым нашел место в канделябре.

Третий...

Крови больше.

Лужицы сливаются друг с другом. Они добираются до грязной тряпки, которая заменяет здесь ковер. Прячутся под низким комодом, под кроватью, на которой раскинулась довольно молодая женщина. Ей перерезали горло, а затем вспороли живот.

В следующей комнатухе нашлась еще одна. И третья.

– Он разгулялся, – тихо произнес Земляной, перехватывая трость. – Смотри... они не сопротивлялись. Никто. Почему?

Глеб насчитал десятерых.

Квартирка была крохотной, а уж в закутках, разделенных порой и не дощатыми ширмами, а лишь простынями, натянутыми на веревку, и вовсе вмещались лишь кровати.

– Мамочка, – Земляной остановился перед грузной женщиной, которая свесилась со стула, но так и не упала. Ее одежда лежала рядом, аккуратно сложенная, и на женщине осталось лишь темное грязное белье, словно подчеркивающее всю уродливость ее фигуры.

Обвислая грудь. Складки плоти. И пара полос содранной кожи. Приоткрытый рот, в который эти полосы запихали.

– Ее убили не сразу, – заключил Земляной, коснувшись грязных волос. – И более того, ей позволили прийти в себя... посмотри на выражение лица.

Ужас.

Еще одна маска, смотреть на которую неприятно.

– А вот девочки умерли во сне. Тут был публичный дом, вряд ли подучетный, и он вырезал всех, – Глеб говорил тихо, потому что сам звук голоса будоражил тьму. – Но почему?..

Свечи отыскивались в самой дальней комнате.

Рисунок кровью на полу. И девочка в центре его. Сколько ей было?

И Глеб точно знал, что выбрали ее именно из-за возраста и из-за этой хрупкой красоты, которую убийца постарался сохранить.

Круг. Пентаграмма. Символы. Они не имеют смысла, выбранные явно случайно. И знаки... Здесь нарушены почти все правила, вот только с точки зрения среднего человека разницы между рабочей пентаграммой и этим не будет.

Глеб переступил контур.

Тьма молчала. Порой и у нее появлялось чувство такта.

– Нашел? – Земляной вздохнул и отвел взгляд от девочки, которая, если не брать во внимание кровь, выглядела вполне себе счастливой. Она улыбалась, глядя пустыми глазами в потолок. – Нашел. Твою ж... хоть самим это все спалить, чтоб никто не увидел.

И тьма согласилась, что мысль в целом неплохая. Огонь спрячет эту вот девочку, изуродует ее, а уроды жалости не вызывают. Они, если подумать, безопасны.

– Ладно, – Земляной тряхнул руками. – Времени у нас немного... граница зыбкая, так что продадим. Поможешь?

Глеб кивнул.

Сила потянулась к силе, свиваясь тонкими нитями, вращая друг в друга. Это было... болезненно. И мир привычно содрогнулся, выворачиваясь наизнанку. Серая пыль. Теплый воздух.

Кровь, которая здесь, с другой стороны мира, выглядела грязью. Ощущение безысходности. И с ним острое желание опуститься на колени.

А лучше и вовсе прилечь.

– Смотри, у тебя лучше выходит. – Земляной здесь, на изнанке, на которую заглядывать не любил, пусть и получалось у него выходить легче, чем у кого бы то ни было, выглядел уродец с непомерно длинными руками, тонкую шеей и клювастой головой. Он был похож временно на зверобогов страны Кемет и на обыкновенное чучело, из тех, что ставят на полях.

Смотреть. Не на него.

Тело девушки слегка повисло в воздухе. Его пронизывали тонкие нити боли, уходившие куда-то в туман, которым заволочло потолок. Пол расплзался язвами, и изнанка спешила предупредить, что еще немного – и этот рисунок истает.

Глеб успеет. Он умел замедлять здесь время. И сделал шаг. И еще.

Поднялись клубы пыли, а тьма внутри зашевелилась, заворчала, что на изнанке находится не след, не таким, как Глеб. Изнанка, она ведь многое таит.

Ничего.

Печати вспыхнули одна за другой. Кто-то заплакал, надрывно, надсадно. И из угла выглянула слепленная из пыли фигура.

Скорбница?

Безглазая, безухая, с гладким лицом, она водила головой, пытаясь уловить присутствие чужака.

Еще шаг. Опуститься на колени. Поднять тело, потому что печать силы пряталась под ним. Чужак, кем бы ни был, не рискнул трогать свое творение, тем и лучше.

Скорбница заскулила.

Этот тонкий, дребезжащий звук, единственный ныне в пыльном мире, резанул по ушам. Во рту появился характерный вкус крови, а печать задрожала.

Еще немного – и осыплется.

Здесь она выглядела этакой тенью, переплетением нитей, толстых и тонких, будто рыбацкую сеть бросили на пол.

Глеб вытащил камень. Чистый, отшлифованный им же опал, наполненный силой. Камень лег в центр печати, и нити потянулись к нему, оплели, довольные, что получили новую жертву. А плач скорбницы сделался и вовсе невыносимым.

– Глебушка, – теперь в нем слышались слова. – Где ты, Глебушка? Где ты, мальчик мой? Зачем ты так с нами? Ушел, убежал... покинул...

Голос менялся, он становился то детским, то грубым, мужским, то вдруг мягким, почти ласкающим. Нельзя слушать. Нельзя показывать, что слушаешь.

Камень наполнялся.

Медленно, как же медленно... Туман на потолке опускался ниже, с него упали первые капли пепла, которые обожгли кожу. А привкус крови стал не просто ощутимым, каждый глоток, каждый вздох давался с трудом.

– Глебушка, – голос окончательно определился.

Мама.

И поплыло пятно лица, создавая вытщенный из памяти образ. Скорбница распрямилась, отряхнулась, вылепляя из тумана человека.

Голодная. И потому спешит.

А камень впитывает печать, но Глеб понимает, что времени ему не хватило. И сердце скачет, а тьма нашептывает, что самое время убраться. Печать? Что-то да сохранится, и, если

повезет, этого хватит, должно хватить... подозреваемых будет не так уж и много. А оставаясь здесь, Глеб рискует.

– Ты как?

Уродливая фигура Земляного двинулась, и с ней мир пришел в движение. Закачался потолок, с пола поднялись клубы пепла. Натянулись нити, и печать задрожала.

– Не двигайся. Выдержу. И ты держи.

Пространство желало схлопнуться, а поврежденная изнанка спешила зарости.

– Глебушка, мне так плохо. – Скорбница пусть и притворялась человеком, но была слепа. – Это ты виноват... ты, и только ты... если бы ты не ушел, если бы не оставил нас...

Она говорила только то, до чего сумела дотянуться.

И Глеб выдержит.

Держался же как-то до этого дня. И научился. В первый год было особенно плохо, чувство вины не отпускало ни на мгновение, а потом он как-то свыкся с ним, что ли.

– Почему ты позволил ему поступить так? Почему не остановил? – Она приближалась медленно, и юбка призрачного платья колыхалась.

Вот фигура задрожала.

– Почему? – спросил детский голосок. – Мне было так страшно...

– Ты не защитил нас...

Камень наполнялся силой. Еще немного. А кровь уже текла по лицу, и Глеб поспешно сглатывал ее, стараясь не смотреть.

– Почему... – следом за первой из стены выползла вторая тварь.

И третья.

Они сплелись, обмениваясь и силой, и знанием, и спешно распределили роли. Скорбницы неразумны, как и прочие проявления изнанки, однако легче от этого не становилось. Зацепившись за эмоции, они спешили насытиться.

А что может быть сытнее, чем человеческое горе?

– Ах, ах... – закружилась та, которая ближе. – Или дело в том, что ты ревновал? Ты тоже хотел к нам? Думаешь, я не знаю, как ты смотрел на меня?

Аксинья.

Обнаженная. Она не походила сама на себя, представляя скорее гротескную фигуру, рожденную подростковой фантазией. Непомерно огромная грудь и такой же зад, длинные волосы, прикрывающие лицо, и родной голос.

– Ты бы спросил, мы бы позволили.

– Уходите.

Разговаривать со скорбницами бессмысленно. Они лишены слуха, они вовсе не способны понимать человеческую речь, но и молчать невыносимо. Впрочем, им явно что-то не понравилось, если обнаженная фигура поплыла, растворяясь меж двумя другими.

– Не плачь, Глебушка, – ласково сказала мама, и от голоса ее, от тона в глазах закипели слезы. – Не стоит... все, чему суждено, случилось... мне уже не больно. Больше не больно.

– Не больно, – отозвалась темнота хором голосов.

А в камень лениво втягивались последние нити.

– Не думай... позволь себе быть свободным. – Полупрозрачная ладонь коснулась головы Глеба, и с ней пришло понимание, что та, другая жизнь, она настоящая.

Что в ней? Скорбь? Боль? Тоска по тем, кто ушел?

А здесь они рядом. Если захотеть, то они останутся с Глебом. Они заберут все, что мешает его душе. Они утешат. Они высосут его досуха, до смерти.

И надо бы скинуть эту руку, которая уже почти обрела плоть. Поднять камень. Встать.

– Не надо, Глебушка, не уходи, не бросай нас, не сейчас... позволь хотя бы обнять себя, позволь поцеловать... в последний раз...

– Закрывай, – одно это слово стоило остатка сил. Глеб только и сумел, что дотянуться до камня, как мир содрогнулся. Взлетели клубы пыли, закружился пепел. Дышать стало невозможно, а скорбница дотянулась-таки, впилась в губы поцелуем, спеша высосать остатки жизни. И почти успела.

* * *

В себя Глеб пришел снаружи. Дом стоял.

Все еще стоял, правда, теперь он казался выцветшим, серым, будто все же сумел выглянуть с изнанки. Глеб закрыл глаза. Остаточные эффекты будут держаться долго.

Но главное, ему было почти хорошо. Было бы хорошо, если бы он вовсе способен был что-то чувствовать. А так... небо низкое. Звезды опять же. Глеб попытался их сосчитать – раньше счет неплохо помогал, – но сбился. И не разозлился. И повернулся на бок. Уж лучше смотреть на пыльный дом и суету.

Полиция. Люди.

Люди и полиция. Людей больше, и от них тянет злостью, которая расплывается алыми пятнами. На искры похоже. Если пятен станет много, вспыхнет костер. Это плохо? Или нет? В равновесии, в котором Глеб пребывал сейчас, было сложно думать.

– Вставай, – его дернули за руку, и тот же хнычущий голос повторил: – Вставай. Вставай же...

Еще полиция. Много.

И встать надо бы, потому как не дело валяться на грязной земле. Да и мальчишка явно напуган.

Арвис.

Имя всплыло из памяти, не принеся и тени эмоций. Изрядно же его выпили. Еще немного – и сожрали бы подчистую. И вновь же очевидная эта мысль не вызвала ничего.

– Жив? – между Глебом и домом возникла тень. – Засранец ты, вот кто... почему не вышел раньше?

– Надо было. Снять. Печать.

Говорить получалось плохо, потому что занемевший язык с трудом ворочался. И слова получались неправильными, причем Глеб определенно не способен был понять, в чем именно их неправильность.

– Снять... вот еще немного – и был бы у менядохлый некромант. Очень удобно, к слову, получилось бы... я твое тельце городским властям, они бы мне медальку.

– Хрен тебе.

– Это да... хрен мне, а не медалька. – Земляной протянул руку: – Встать можешь?

– Кто...

– Я тебя вытащил.

– Голова болит.

– Тащил не за ноги, так что это от собственной дурости.

Ноги, что характерно, тоже побаливали. И туфля исчезла, как Глеб подозревал, осталась она где-то в доме, в который его точно не пустят.

Глеб встал.

Серый мир покачивался. Влево и вправо. Вправо... и вправо. И потом влево. Как-то от покачивания этого слегка мутило, но с мутью он справился.

Икнул. Зажал рот ладонью... нет, не справился.

– Знаешь, мне вот тебя даже не жаль, – почти искренне произнес Земляной, протянув флягу и платочек. – Печать, конечно, нужна, но ты мне как-то нужнее... а этого уroda мы достанем.

Он растянул губы в улыбке и добавил:

– Мне через годик-другой опять ко двору возвращаться... из него хороший голем выйдет.

И веришь, на этот раз я даже совестью маяться не стану.

Глеб поверил.

– Что... теперь...

– Тебе – ничего, возвращайся. А мы с Мирославом попытаемся убедить, что убивал не ты. И никто из наших. И... постарайся без приключений, ладно? Погоди... скажу, чтоб сопровождающих выделили, а то ведь мало ли.

Много.

Искр становилось все больше, пусть искалеченное изнанкой зрение постепенно приходило в норму, но искр определенно становилось больше. Они вспыхивали то тут, то там, чтобы задержаться, зажечь другие. И люди гомонили.

Голоса их Глеб различал плохо, однако и без слов было очевидно: скоро полыхнет.

Твари... уроды... убили... на куски...

Слова причиняли почти физическую боль. И Глеб закрыл ухо ладонью.

Отпустят... опять отпустят... пока всех не вырежут... свечи... ритуал...

– Идем, – Глеб оперся на тощее плечо Арвиса. – Нам пора возвращаться.

И возможно, стоит отправить мальчишек в тот же Петергоф. Особняк у Глеба большой, места хватит. Школу, конечно, в столице открыть не разрешат, но пара недель, пока они здесь не разберутся... Елена будет недовольна.

Плевать.

В опустошенной скорбницами душе не осталось места ни для сомнений, ни для сожалений. И это было по-своему удобно.

В экипаж он забрался с трудом. А два жандарма, приставленные Земляным, сделали вид, что не замечают слабости Глеба. Они вообще предпочитали смотреть в сторону, только над головами их плясали искры гнева.

Этак довезут, только не к дому, а куда-нибудь за город, на тихую окраину, да там и оставят...

Прижался и затих Арвис.

Свистнул возница, и лошадка сорвалась с места. Подковы ее звонко цокали, и этот цокот мешал сосредоточиться на блаженном равнодушии, которое с ним – и Глеб знал это точно – ненадолго.

Он заставил себя дышать. Считать до ста. И обратно.

Вспомнил малый рунный круг, а перед глазами стояла та почти еще девочка со светлыми волосами, аккуратно разложенными вокруг головы. Это ведь тоже не случайность, а часть картины. Нимб рукотворный.

Почему... он раньше убивал, но не так... Жертвы всегда одиночные, а тут сколько? Сосчитают, конечно. Земляной принесет отчет. Но явно с десятков, а эта девочка... ее не стали уродовать, более того, ее смерть была безболезненной, и в крови наверняка отыщут какую-нибудь отраву.

Глеб знает какую. Сок черной омелы.

Он действует быстро, парализуя и тело, и волю. И что получается? Кто-то заглянул в квартиру, потребовал вечер – иногда клиенты бывают капризными. Заплатил. Без денег мамочка не согласилась бы закрыть свое нелегальное – а Глеб не сомневался, что публичный дом регистрации не имел, – заведение для одного человека.

Впрочем, денег у него хватает.

А дальше что? Визит? И выбор. Девки, которых мамочка вывела, а он... угостил? Бутылка вина? Или конфеты? Возможно, даже дорогие. Столичные. Как устоять?

Не важно. Главное, отравы хватило для всех. Дальше...

Коляску трянуло. И цепь рассуждений порвалась.

Глеб огляделся. Улица. Дома. Ограда. Лошадь пляшет. Люди мрачны и злы. Они не верят, что Глеб не убивал. Пока их сдерживают чувство долга и страх, но скоро ярость возьмет и этот барьер.

– Спасибо. – Глеб почти вывалился из коляски, но устоял.

– Чтоб ты сдох, – вполне себе искренне отозвался возница.

– Когда-нибудь мы все...

Под ноги плюнули. И хлыст взлетел над конской головой, щелкнул, поторапливая.

Глава 6

– Вот ведь... – Глеб вцепился в тонкое деревце. – Арвис, ты как?

– Хорошо.

– А я вот... не очень. Иди домой. И не притворяйся, что ограда для тебя что-то да значит... Завтра поговорим, когда при памяти буду.

– А...

– Постою.

Он и вправду просто хотел постоять. Подышать воздухом, который вдруг стал разреженным и горьким. Он пробовал этот воздух на вкус и находил в нем все новые и новые оттенки.

Изменение ритуала несвойственно безумцам. Глебу ли не знать. Всегда начиналось одинаково.

Скрещенные пальцы. Недовольный взгляд. Кольцо мастера поворачивается, и кажется, что эта полоска серебра сейчас перережет палец, на котором она надета. Уж больно узка, а палец пухл.

Скрип стула. Голос:

– Ты не стараешься. Мне жаль, но тебя придется наказать.

Страх.

И улыбка существа, которое любило этот страх, сладкий-сладкий, куда слаще леденцов, которые оно носило с собой, чтобы одаривать крестьянских детишек.

Крестьяне батюшку любили.

А вот Глеба не жаловали, быть может, оттого, что на землях родовых он появлялся редко, отдав дела на откуп управляющим. И уж точно не кормил посторонних детей конфетами.

Не слал поздравлений.

И не дарил отрезков ткани. Он не снисходил до прогулок по землям, не останавливался, чтобы перекинуться парой-другой слов со старостой. Не слушал про урожай и удои, да ему, если честно, было глубоко плевать на то, что творилось на Змеиной балке и сколько в этом году получится взять сена со старых заливных лугов.

...Карамелька во рту. Перекатывается. Постукиваясь о зубы, которые были белыми-белыми. Пальцы щелкают, и первое клеймо, которое недаром называют ученическим, вспыхивает огнем.

– Терпи, – существо не приближается сразу, оно ходит кругами, с каждым все ближе. – Сила – это боль. Чем больше ты способен выдержать боли, тем сильнее станешь. Ты пока не способен ни на что...

Огонь расплзался по коже, он тоже не спешил пожирать Глеба. Он знал, как сделать так, чтобы Глеб долго оставался в сознании.

– Ничтожество. Мой наследник – ничтожество... – От него пахло мятными карамельками и еще кофе. А голос до последнего оставался ласковым. – Но мы это исправим. Мы воспитаем в тебе должную выдержку. Просто нужно стараться, Глеб. Действительно стараться...

Стараться.

Глеб сплюнул.

Очевидно, что их с Земляным пытались выставить из города. Но почему? И не может ли случиться такое, что они просто-напросто ошиблись?

Разный почерк. Разный тип жертв. Смерть быстрая, смерть медленная...

Но допустить мысль, что в городе орудуют сразу двое убийц... даже для тихой провинции это чересчур.

– С вами все в порядке? – мягкий голос Анны заставил очнуться.

И Глеб честно ответил:

– Нет.

– Я вижу. – Она взяла его под руку. – Идемте. Вам не стоит здесь быть. Одному.

Одному вообще быть не стоит. Глеб с этим согласился. А еще пошел за ней, потому что одиночество вдруг навалилось с новой силой. Оно было острым, как скальпель, которым отец рисовал на коже печати, в каждый слой добавляя каплю силы. И тьма опаляла, тьма пробиралась внутрь Глеба. Тьма обживалась в нем.

– Мне не стоит... вам не стоит со мной...

– Бросьте. – Анна открыла калитку. – Каяться поутру будете. Если будете. Возможно, стоит целителя вызвать? – В голосе ее звучало сомнение.

– Не думаю, что приедет.

– Здешний меня недолюбливает, – пожаловалась она, а у Глеба появилось острое желание целителя убить. Потому что нельзя недолюбливать пациентов. Это неправильно. С другой стороны...

Отец обходился без целителя даже тогда, когда, заигравшись, едва не переступил грань. К счастью, Глеб отключился раньше, но потом... он прекрасно помнит процесс возвращения.

Раз за разом. Вдох за вдохом. И кровь, которая никак не останавливалась. И боль. И слабость. И власть печатей, которых становилось все больше.

– Глупцы утверждают, что нельзя ставить больше одной за раз. – Чудовище оставалось с ним, оно не позволяло другим подходить к Глебу, чтобы никто ненароком не украл и крупицу его боли. – Но это лишь говорит о слабости их. Правда же состоит в том, что чем сильнее человек, тем больше он способен вынести.

Тогда Глебу казалось, что тьма раздирает его изнутри.

Она иногда позволяла ему уснуть, правда, наполняла сны кошмарами, из которых он выбирался в не менее кошмарную явь.

– Садитесь, – его толкнули, и женские руки потянулись к пиджаку. – Раздевайтесь. Я, конечно, не целитель, но тоже кое-что могу... Почему вы такие упрямые?

– Мы? – надо сосредоточиться на реальности, иначе Глеба опять утянет в кошмар.

А он выбрался. Сбежал. Выбрался и сбежал, потому что если бы остался, его бы не стало первым.

– И Никанор никогда не мог признать, что тоже смертен. То есть способен заболеть. Он до последнего не позволял себя лечить, держался на ногах даже с жаром... как же, он ведь мужчина... Иногда мне хотелось его побить.

– И вы...

– Женщинам нельзя бить мужей.

– А мужьям?

– Общество уверено, что это не битье, а воспитание. – Она склонилась над его рубашкой. – Нет, Никанор никогда не позволял... но у него были в производстве дела. Я порой читала. А от прочитанного лишалась сна. Почему-то наше общество склонно полагать, что во всех семейных бедах виновата женщина. Однажды его клиентку убили. В самом начале, когда у него не было еще имени, да и клиенты... супруг – целитель, довольно известный, с немалыми перспективами. Она – мещанка, которую взяли в жены без приданого. И вся его семья утверждала, будто та женщина, она сама виновата, что муж ее бьет. Что она ленива. Неповоротлива. Туповата. Некрасива. Она долго терпела, пока не потеряла ребенка. И тогда просто ушла бы, но он сказал, что найдет и убьет, так убьет, что никто и не заметит... то есть не поймет.

Ее пальцы справлялись с пуговицами. Ее лицо скрывала тень. Но Глеб все равно смотрел. Над ней тоже плясал хоровод искр, правда, тусклых. И среди них был не столько гнев, сколько сожаление.

– Она пришла спросить, что ей делать. А Никанор отправился в суд. Он был намерен добиться развода. И компенсации. И доказать, что побои имели место быть, хотя, когда муж – целитель, доказать побои сложно... Он снял для этой женщины комнату. И велел сидеть тихо.

– Но ее нашли?

– Она беспокоилась о престарелой матушке мужа. И навещала ее. А та полагала, будто лучше быть мужней женой, чем разведенкой. Муж нашел. Пошел следом, он клялся, что хотел лишь поговорить. Развод ударил бы по репутации... Она отказалась. Он разозлился и избил ее. А потом ушел. Он не думал, что она умрет. А она умерла. Одна в той комнатухе.

– А ваш супруг...

– Пришел в ярость. Он... он и на нее злился, и на всех женщин тоже, потому что ей всего-то нужно было дождаться суда. И он добился, чтобы дело расследовали. И на суде выступал. И... я запомнила лишь, как все говорили, что она виновата сама. Не стоило злить. Никанору удалось добиться, чтобы того целителя отправили на каторгу. Ему дали пять лет... и то он после напился, хотя очень редко пил, однако случай... в общем, он сказал, что дело бессмысленное, что целители и на каторге нужны, поэтому устроится тот тип неплохо. Да и срок до конца вряд ли отбудет.

Анна потянула за рубашку:

– А теперь повернитесь спиной... Господи, ты вообще понимаешь, что так нельзя?! – этот злой окрик заставил вздрогнуть. – Это же...

Прохладные пальцы коснулись обожженной кожи.

– Пройдет.

– Больно?

– Уже почти нет.

– Это...

– Печати. Они не позволяют тьме сожрать меня. В теории...

Ее пальцы скользили.

– Все в крови. Я вытру. Будет, наверное, жечься, но потерпишь?

– Потерплю.

Анна ушла, чтобы вернуться с кастрюлькой воды. И вновь ушла. И вновь вернулась. На столе появились склянки и флаконы темного стекла. Коробки и баночки. Она открывала их одну за другой, нюхала, некоторые отставляла прочь, другие подвигала ближе.

Зачерпывала содержимое. Смешивала. Пара капель в воду. Горький аромат спиртовой вытяжки и трав. И еще пара...

– Кровь остановит, заодно если есть какая зараза...

– Тьма ее сожрет. – Глеб закрыл глаза. – Я не слышал, чтобы хоть кто-то из некромантов умер от заражения крови.

– С таким отношением это лишь вопрос времени.

Ее раздражение, ее беспокойство были приятны. И тьма согласилась с Глебом. Тьме тоже нравилось, когда ее касались вот так, с нежностью.

– Вы хотя бы скажите, что это было действительно необходимо...

– Ты.

– Ты хотя бы скажи, что это было действительно необходимо, – повторила Анна.

И Глеб сказал:

– Это было действительно необходимо.

Заветный камень с отпечатком чужой силы лежал в кармане. Осталось лишь найти, с чем этот отпечаток сравнить.

– Хорошо. Будет немного больно.

– Ничего.

– И запах не самый приятный.

– Тоже не страшно.

Мазь была прохладной, впрочем, спустя пару мгновений прохлада сменялась жжением, не сильным, но довольно раздражающим.

– Анна, все же тебе стоит уехать.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Рядом с нами опасно. Люди очень недовольны. Настолько, что может вспыхнуть бунт. И наша защита хороша, но я не уверен, что она выдержит. И что мы устоим. А толпа в ярости... люди не будут думать, кто виноват, а кто просто оказался рядом...

Она была осторожна, и жжение стихало, а вместе с ним и боль. Кожа вот немела, но это даже хорошо.

– Понимаю, но...

– Анна, я был в Вильчеве. Это даже не город, местечко, из таких, знаешь ли, мирных местечек, где все и всё знают обо всех. Где по утрам соседи здороваются, а по вечерам сплетничают друг о друге.

Поверх мази легла мягкая ткань.

– Попробуй не болтать хотя бы пару минут, – это было сказано с легким упреком, но без тени недовольства. – И руки подними. Знаешь, у меня есть свидетельство. Я даже могу сестрой милосердия работать. Нас учили оказывать первую помощь, но, видит Бог, что-то впервые пригодилось.

Она ловко обернула полосы тонкой ткани, которые затянула сбоку.

– Вот так. До утра продержится, а там... все же покажись целителю.

– Всенепременно. И мне, наверное, пора.

– Куда? – она возмутилась вполне искренне. – Сиди уже... И вообще, насколько я знаю, вам стоит отдохнуть и восстановиться.

– Тебе.

– Что? Да... простите.

– Прости.

– Хорошо, – она не стала спорить, но вытерла тонкие пальцы той же тканью. – Это... держу дома на всякий случай. Иногда появляются язвы. То есть обычно к концу срока появляются. Редкостная мерзость. Потом проходят. Так что, получается, врала... У меня есть колбаса. И сыр. И что-то еще, сама не знаю, что именно. Мария готовит. Представляешь, она сказала, что на два дома ее точно не хватит и что она будет готовить у вас, а ко мне отправит ту девочку, такую, знаешь ли, маленькую, худенькую. Она теперь тоже у вас живет, прибирается. Или кого из мальчишек.

Ее хотелось слушать.

Мягкий голос, плавная речь, которая убаюкивала, но спать нельзя. Еще хотя бы пару часов, а ночью и без того тянет на сон. Это ложь, что некроманты способны обходиться сутками без сна.

То есть способны, но не после выхода на изнанку.

А она здесь, рядом. И скорбницы, попробовавшие Глебовой жизненной силы, наверняка крутятся неподалеку. Может, голем их и ощущает, вертит головой, шевелит обрубками ушей.

Спать нельзя. Сон, он слишком зыбок. Ненадежен. Так что говорить...

– Как они, к слову?

– Нормально.

– Арвис сказал, что...

– Нож? Разберемся. У нас новый воспитатель. Справится. Сделал очередное внушение. Ничто так не примиряет с врагом, как совместная работа. А в доме работы много. Ты знаешь, что графы понятия не имеют о том, как правильно чистить картошку?

Анна улыбнулась. И улыбка у нее безумно красивая. И сама она... Глеб моргнул. Изнанка меняет восприятие, и теперь ему казалось, что женщина, остановившаяся у окна, светилась. Нет, не лунным светом, который пробивался сквозь стекло, но собственным, внутренним.

Красиво.

– Хорошо. Они все-таки дети.

– И темные. – Глеб пошевелил плечами, впрочем, надеяться, что шкура сползет вместе с печатями, не стоило. Так, еще поноет, покровит. И надо будет поставить пару других на всякий случай. – Тьма, она меняет человека.

Он поднялся:

– Где у вас кухня?

– А вы...

– Ты.

– Тогда и ты... то есть не на вы, – она слегка смутилась. – Там. Уверен, что дойдешь?

– Дойду. Это просто небольшое истощение. Скорее нервное, чем физическое. Скоро пройдет. А вот спать нельзя. Не сегодня. Доберутся.

На кухне все так же пахло травами. И мясом. И корицей. Ванилью. Острыми специями. Еще чем-то странным...

– Ангрекум, – Анна поставила на ладонь крошечный горшочек с крошечным же растением. – Они пахнут по ночам. А этот и вовсе невозможно.

Цветок по сравнению с самим растением выглядел огромным.

– Если запах раздражает, я уберу.

– Не стоит.

Невероятная белизна его ослепляла. И... раздражала. Возникло вдруг желание схватить этот треклятый горшок и запустить им в стену, а потом пройтись по осколкам. Глеб заставил себя отвлечься.

– Так что с тем местечком?

На плиту отправился чайник, а перед Глебом появилась доска, нож и кусок колбасы.

– Никто точно не мог сказать, с чего все началось. С мелочи... мелочи всегда и во всем виноваты. Но возник конфликт между двумя уважаемыми горожанами, который постепенно разрастался. – Вишневая рукоять ножа легла по руке. И вновь же тьма зашептала, что не стоит тратить время на колбасу. Кровь куда питательней, ведь недаром то существо любило пить ее.

И Глебу поможет.

Всего-то стакан крови, и он почувствует себя лучше. Уйдут головокружение и слабость... ему нельзя быть слабым. Мало ли, вдруг толпа уже идет к его дому? Анна испугается, конечно, но поймет. Она ведь понятливая. И сочувствующая.

А Глебу нужно.

Он отправил в рот кусок колбасы. И заставил себя резать аккуратно, осторожно, тонкими полупрозрачными ломтиками, которые падали на доску.

– Племянник старосты был темным. Активным. Дар был слабеньким, поэтому обучили самым основам. Проклятие мог снять. Защиту поднять. Вывести мелкую нежить. Его уважали в городе, многие обращались за помощью. Он и помогал. Он долго держался в стороне от конфликта, надеясь, что тот сам собой утихнет.

Колбаса была соленой, как кровь. И кровь определенно была бы лучше. Намного лучше.

– Но пошел один слух. Потом другой и третий... с каждым разом все гаже... знаешь, как бывает? Овца сдохла – темный виноват. Молоко скисло на жаре – так он же. Иногда, конечно, с контролем беда, но это больше у детей. Взрослые справляются, особенно если силы немного. Он давно там жил. И не верил, что добрые знакомые однажды придут к его дому. Двери подперли. Окна тоже. А после кинули огонь на крышу. Сгорел не только он, но и жена его, и ребен-

нок... Меня отправили проводить расследование. Трое получили петлю, еще дюжина человек отправилась на кафедру. А самое страшное знаешь что?

– Нет. – Она присела напротив и отобрала нож: – Дай сюда, пока пальцы себе не отрезал.

Ветчина. И грудинка. Вяленое мясо, щедро посыпанное красным перцем. Он оставался на пальцах Анны, но она будто и не замечала.

– Они все были убеждены, что поступают правильно, что избавили мир от зла, что если он ничего и не сделал, тот парень, то всенепременно сделает. Вопрос времени. А жена и ребенок... сами виноваты. Она связалась не с тем. А дитя тоже могло стать магом, вот и... И такое время от времени происходит то там...

– ...то тут. – Анна убрала нож. – Ешь. Я заварю тебе травы. А потом отправишься спать.

– Нет. Нельзя. Не сейчас. Мне бы пару часов... если хочешь, иди, я просто посижу в тишине.

Потому что скорбницы неплохо себя чувствуют в человеческих снах. Конечно, к здоровому человеку они не пробьются, но Глеб был далек от мысли, что он здоров.

– Тогда посидим вместе, – сказала Анна, убирая одну банку с травами, чтобы достать другую. – Но завтра ты покажешься целителю. И... в другом случае я бы уехала.

Анна с легкостью подняла чайник.

– Я вполне себе понимаю, что есть необходимость. И здравомыслия не чужда. Однако боюсь, в Петергофе для меня куда как менее безопасно. И в любом ином месте. Правда, я весь день пыталась понять, кому и зачем убивать меня, но...

Глава 7

Не поняла.

Анна перебирала причины, одну за другой, придумывая вовсе невероятные, вроде той, где Никанор умирает, а она оказывается единственной его наследницей.

Но бывший муж был жив. Весьма бодр. И вряд ли поставил бы Анну вперед сыновей.

Да и вторая жена имелась, за чьей спиной держался тихий, но весьма древний род, который бы не позволил обидеть вдову.

– Моя бывшая свекровь – единственная, с кем мне не удалось поладить. – Она устроилась напротив Глеба, стараясь не слишком смотреть на него. Но получалось плохо.

И Анна чувствовала, что краснеет.

Отворачивалась. Склонялась над кружкой, пряча лицо в пару, хоть как-то можно будет объяснить эту его красноту, и вновь смотрела – искоса, украдкой.

– Она с самого начала была не слишком мне рада, а уж после, когда появились деньги и Никанор стал их тратить на меня, эта нелюбовь стала явной.

Она звонила. Изредка.

Поздравляла с Рождеством или вот с Пасхой, подробно и муторно выпрашивая о ее, Анны, здоровье. Советовала чудодейственные настои и жаловалась на Наину, которая никак не желала понять, что нужно уважать мать мужа. И в этих звонках чудилась не тень вежливости – от вежливости мать Никанора была весьма далека, – но любопытство, желание узнать, сколько еще осталось Анне.

– Правда, сейчас она не любит Наину больше, чем меня. Да и убивать... К чему ждать столько лет? Не подумай, Никанор мать не обижает. Он вообще очень обязательный. И содержит ее. И братьев своих. И двоюродных братьев. И про троюродных не забывает.

Поверх повязок проступили темные пятна.

И значит, растревоженные печати кровят. Надо что-то сделать, но Анна понятия не имеет, что именно делают в подобных случаях. Целитель... местный целитель избалован публикой. Он не любит выезжать по ночам и когда вызывают его неправильные люди.

Анна вот была неправильной.

Без титула, но с домом. И с деньгами, которые целитель принимал с видом таким, будто делает ей, Анне, одолжение.

– В прошлом году она пыталась свести меня с каким-то родственником... честно говоря, я не очень поняла, каким именно.

...Дорогая, даже тебе не следует отказываться от простого женского счастья. Умирать в одиночестве тяжело...

– Но вы отказали? – Глеб потемнел, и Анна ощутила его злость почти как собственную. И, протянув руку, коснулась.

– Естественно. Ему нужны были деньги. А у меня они есть. И если жениться на мне, а потом подождать, когда я умру... Правда, я все еще надеюсь, что ждать придется долго.

Кровь была и на его руках.

Темные чешуйки прилипли к коже, и Глеб, кажется, этого не замечал. А вот руку Анны перехватил. И задышал ровнее, спокойней.

– Ей нет смысла убивать меня. Разве что ее раздражают подарки, которые делает мне Никанор. Но она терпела столько лет, так отчего вдруг сейчас? Да и способ больно извращенный. Поверь, она не стала бы тратить дорогие конфеты на проклятие, обошлась бы чем попроще.

Анна коснулась светлых его волос. И щеки.

Провела, ощущая под пальцами колючую щетину. Забрала кружку. И протянула руку. В голове шумело будто от шампанского, хотя Анна не пила. Но близость мужчины, именно этого мужчины, будоражила.

Женщины не должны вести себя подобным образом. Женщинам положено проявлять терпение. Смирение. И ждать.

Но именно сегодня Анна не желала ждать.

Сегодня и сейчас. Как знать, сколько у нее осталось? В том числе и времени.

– Не дразни, – с легким упреком произнес Глеб. Только смотрел на нее... любуясь? Разве ею можно любоваться?

– Не дразню. – Она все равно не убрала руку.

И тогда он перехватил ее. Поднес к губам. Коснулся. Горячее дыхание щекотало кожу.

– Наверное, мне лучше уйти, – шепнул он.

– Или остаться?

– Если ты хочешь.

Нет. И да. Наверное. Проклятье, почему вдруг простые вещи стали такими сложными?

– Хочу.

– Не пожалеешь? – Глеб смотрел снизу вверх, и от взгляда его кружилась голова.

Анна пожала плечами. Откуда ей знать, что будет завтра? В конце концов, не факт, что завтра вообще случится. Так к чему тратить время?

* * *

Тьма улеглась.

Она была жадной. Она желала обнять. Растворить. Поглотить без остатка.

И эту белую кожу, на которой так легко оставались следы. Тьма требовала стереть их. И пропустить через пальцы тонкую прядь, удивляясь тому, до чего она бела. Тьма смотрела в светлые глаза и тянула силу, сама отдавая взамен, и это было невозможно, ибо тьма не способна отдавать.

Или в какой-то момент она просто отступила, позволив Глебу стать собой. Вот только он растерялся, потому что не помнил уже, когда и где был один.

– Все хорошо? – Анна вытянулась на постели, тонкая, длинная, словно сплетенная из шелковых лент.

– Все хорошо.

Она лежала на боку, нисколько не стесняясь своей наготы. И было в этом что-то до невозможности правильное.

– Тогда хорошо, если хорошо...

Ей шла улыбка. И пряди, прилипшие к щеке. И пара шрамов, украсивших спину.

– Откуда? – Глеб дотянулся до ближайшего. Тот начинался под лопаткой и тянулся едва ли не до поясицы.

– Проклятие. – Она легла на спину, скрывая этот шрам. – Еще в самый первый раз, когда проклятие попытались вытащить, получилось... Целитель сказал, что это индивидуальная реакция организма. Сначала были язвочки, потом... – Она прикусила губу.

А у Глеба появилось стойкое желание отыскать самоуверенного мальчишку, который взялся работать с живой плотью, не додумавшись изолировать ее от прямого воздействия. И ведь тьмой оперировал напрямую, если такая реакция.

– Заживало долго, шрамы остались... и открывались, когда... правда, не в последние годы. В последние стало легче. С какой-то стороны.

– А сейчас?

– Сейчас хорошо. – Анна села. – Даже как-то слишком уж хорошо.

И Глеб согласился. Ее правда. Слишком уж...

– Знаешь, – Анна дотянулась до его волос, – это странно, но... я снова чувствую себя живой.

И не только она.

* * *

Домой Глеб вернулся на рассвете. Он остановился, прищурился, глядя, как медленно вываливается налитой алым цветом солнечный шар, как замирает ненадолго, словно опасаясь оторваться от земли, и ползет, ползет по блеклому небосводу. И тот наполняется цветами.

Красиво.

– Доброе утро, – этот голос заставил отвлечься от мыслей, слишком бестолковых для мужчины его лет и положения. – Вижу, вы тоже любите ранние прогулки. – Олег приподнял шляпу и поклонился.

– Доброе утро.

– Красиво, – сказал Олег, указав тростью на солнце. – И каждый раз по-своему... ныне солнце красное. Наша кухарка полагает, что это верный дурной знак, и выставляет на порог ведро с водой, желая отвести беду. Я едва не споткнулся об это ведро. И главное, разговаривать с этой женщиной бесполезно. Кивает, соглашается, а потом делает по-своему.

Солнце поднималось.

Небо наливалось алым, в котором и вправду чудилось что-то донельзя тревожное.

– А вы дурного не видите? – поинтересовался Глеб для поддержания беседы.

– Я вижу лишь интереснейшее атмосферное явление. – Олег опустил руки на трость. – Не желаете ли пройтись? Признаться, мне редко случается встретить кого-то утром. Люди предпочитают спать. Люди вообще в массе своей довольно ленивые и бестолковые создания. И музыку слушать не способны.

– Отчего же?

На нем был светлый костюм для прогулок, с которым несколько дисгармонировали темные, почти черные ботинки. Ботинки поскрипывали. Трость постукивала о камни мостовой, и звук раздражал.

– Не знаю, быть может, так было задумано Господом, желавшим разделить свое стадо на овец и пастырей. Овцам надлежит пастись и жиреть, оттого и не приучены они думать, оттого и сама возможность думать пугает их. И спешат они защититься, выдумывая всякие глупости вроде примет или обрядов, напрочь лишенных здравого смысла. Надеюсь, вас не оскорбляют мои речи?

– Нисколько.

– Один из матушкиных знакомых полагает, будто я чересчур поспешен в своих выводах. И дело отнюдь не в нежелании, но в тех возможностях, которые выпадают на долю каждого. Одному суждено появиться на свет в семье простого крестьянина, другому судьба определяет купеческую стезю, третий же...

Олег остановился у изгороди и ткнул в нее тростью:

– Ваша работа?

– Моя, – не стал отрицать Глеб.

– Интересное плетение... плотное весьма. И полагаю, взломать его непросто?

– Непросто.

– Матушка совершенно обезумела с этими слухами. И вроде бы здравомыслящая женщина, но поди ж ты... наслушалась сплетен, вбила себе в голову, что дом наш плохо защищен.

Олег разглядывал защитный полог с явным интересом.

– Я убеждал ее, что бояться нечего. Кто бы ни был убийца, вряд ли он рискнет сунуться в наше поместье. До этого он явно выбирал жертвы из тех, что попроще... Что и логично.

– Чем же?

Розы отползли от изгороди, а вот плющ обвил тонкие прутья ограды, растянул зеленые плети, спеша укрыть темный металл пышной листвой. И выглядел он довольным этакой близостью к темной силе.

– Тем, что примитивный разум легче обмануть. Втереться в доверие. Или купить. Овцы не способны адекватно оценить опасность. За что и страдают.

Олег попытался коснуться пелены, но плети пришли в движение, наполняясь силой. Надо будет сегодня проверить накопители, что-то подсказывало, что лишним это не будет.

– И вам не жаль тех девушек?

– А вам? – Олег повернулся. – Ходят слухи, что их смерть далеко не случайна...

– И вы...

– Не имею обыкновения верить слухам. Разум подсказывает, что, пожелай вы избавиться от кого-то, этого человека просто-напросто не нашли бы. А весь этот балаган со свечами и снятой кожей...

– Снятой кожей?

– Об этом шепчутся горничные. Впрочем, и они невеликого ума. Стало быть, без кожи?

– Прошу прощения, но...

– Понимаю, следствие идет. И мешать не собираюсь. Что до жалости, то глупо жалеть овец, единственное предназначение которых питать пастырей. Вы, как действующий мастер, должны понимать, что смерть – это вполне естественный итог жизни, и жалеть кого-то лишь потому, что он умер, по меньшей мере странно. Вам нравится Ольга?

– Простите?

Уж больно резкой получилась смена темы.

– Моя сестра. Она несколько легкомысленна, но молода, здорова и хороша собой. Особым умом, правда, не отличается, однако при всем том из нее получится вполне годная супруга.

– Годная для чего?

Пожатие плечами. И трость вновь касается камней, на сей раз нежно, трепетно даже.

– Сами решите. В свое время ей не хватило твердой руки, к сожалению, отец и дед слишком многое ей позволяли, что не могло не остаться вовсе без последствий.

– Ваша сестра мне не интересна.

– К слову, она не испытывает тех предубеждений перед людьми с даром, подобным вашему, которыми страдают большинство половозрелых девиц.

– И жениться я не собираюсь.

Наверное.

Жениться было бы неразумно. И нынешняя ночь никого ни к чему не обязывает. Она просто была, и только. А что тьма дремала, утомленная человеческими страстями, так... случается.

– У нее весьма приличное приданое.

– Нет.

– Жаль, – без тени сомнения произнес Олег. – К слову, вы, как понимаю, преуспели больше моего?

– В чем?

Олег указал тростью на дом, укрытый пледом из листвы:

– Она показалась мне любопытной. Стоящей внимания. Простовата, конечно, и манеры далеки от совершенства. Однако при всем том есть в ней что-то такое... манящее. Признаться, я рассчитывал на небольшой роман.

Захотелось сломать ему нос.

Вот просто так, без предупреждения. Без словесных поединков и благородных дуэлей, исключительно простонародно. И тьма заворочалась. Она не собиралась отдавать то, что уже считала своим.

– Здесь тоскливо. Беда почти всех небольших городков. Заняться совершенно нечем. Пустые люди. Пустые сплетни. Матушка выезжает куда-то, но... все смотрят на тебя, как на диковинку. А уж местные девицы и вовсе спят да видят как бы половчей окрутить тебя. То есть меня. – Олег передернул плечами. – Их ужимки отвратительны. И поэтому я предпочитаю женщин, у которых, скажем так, не возникают в голове matrimониальные планы.

Он склонил голову, разглядывая Глеба со своей обыкновенной задумчивостью, будто впервые увидел его. Или же, увидев, сделал неверные выводы, которые ныне переосмысливал.

– Но поскольку вы явно преуспели больше моего, что ж, мне остается уступить.

И уйти.

Лучше, если сейчас, пока тьма сама присматривается к этому недоноску, которого она способна поглотить в один вдох. Или выдох.

И тьма поглотит. Если Глеб позволит. Ему ведь хочется. А улица пустынна. Уж больно ранний час. Стало быть, свидетелей не будет, а Глеб...

Велел тьме успокоиться.

– Был рад встрече, – Олег коснулся пальцами полей шляпы. – И все же подумайте о моей сестре. Интрижка интрижкой, а брак – дело иное, серьезное...

* * *

...Земляной тоже не спал.

Глаза его запали, черты лица заострились. И нижняя губа капризно оттопырилась.

Пахло от него тьмой. И смертью.

Запах был до того острый, что тьма окончательно пробудилась, расплескалась, потянулась к сладковатому этому аромату.

– Кто? – поинтересовался Глеб.

– Твой знакомый. – Земляной не стал ни о чем спрашивать, за что Глеб был ему несказанно благодарен. – Микола. Нашли в переулке с проломленным черепом. И главное, еще живого нашли...

– Но...

– Поднять не вышло. У него на коже с полдюжины печатей стоит. И старых, заметь. – Земляной нервно передернул плечами. – А главное знаешь что? Нашлись свидетели, которые видели, как ты пытался убить несчастного.

– Я не пытался его убить. – Глеб поднял со стола пустую кружку, от которой едко пахло травами.

– Я знаю. Просто проклял. Что? Думаешь, если пациент помер, то и руку твою не узнаю?

– Он заслужил.

– Верю.

– И проклинал, чтобы задумался. Если бы пришел, я бы...

– Опять же верю.

– Когда он умер?

– Да вот... пару часов как... в подвале лежит. Взглянуть не желаешь?

– Желаю.

Глеб аккуратно поставил кружку на круглый след, оставшийся на поверхности стола.

– Только учти, никаких сливаний, проникновений и прочего. – Земляной привстал, покачнулся и опустил на стул. – Мне тут сумасшедший мастер не нужен, я и сам, похоже, скоро... того...

– Того, – согласился Глеб. – Спать иди.

– А...

– Я посмотрю. Просто посмотрю. Клянусь тьмой.

И Земляной кивнул. Поверил?

– Знаешь, – сказал он, закрыв глаза, – я тебе даже завидую. Немного. У кого-то хоть жизнь налаживаться начала, а поэтому надо шевелиться... Я деду еще раз написал. Попросил... ненавижу просить о помощи, но хотелось бы разобраться с делом до того, как нас поднимут на вилы.

– Разберемся.

– Сам-то веришь?

Глеб пожал плечами и повторил:

– Иди спать.

* * *

В подвале было по-прежнему тихо, вполне себе уютно и привычно пахло дезинфицирующим раствором, бутылка которого нашла свое место в углу.

Появился стол.

И тело на столе, прикрытое полотном не столько из уважения к покойному, сколько порядка ради. Глеб обошел стол, приподнял полотно и хмыкнул. А Микола был затейником, пусть ноги его отличались изрядной кривизной и некоторой волосатостью, но вот педикюром он не брезговал.

Ишь ты...

Глеб сдернул полотнище, убедившись, что вряд ли покойный делал педикюр самостоятельно: под простыней обнаружилось округлое рыхловатое брюшко немалых размеров.

И руки в порядке. Ногти подпилены ровно, аккуратно.

Да и само тело выглядит ухоженным. Глеб наклонился и принюхался. Так и есть, мыло дорогое, он сам подобную марку использует и весьма ею доволен. Волосы вот слиплись и от грязи, и от крови, а на лице застыло выражение преудивленное, будто не ожидал покойный этакого-то подвоха.

Глеб повернул голову набок. Тело в холоде подвальной налилось обычной мертвой тяжестью, скоро и вовсе окоченеет, сделавшись неудобным. Странно, что Земляной вскрывать не стал.

Не счел важным? Или времени не хватило? Второе скорее. Он, верно, в том доме еще выложился, а потом и этот мертвец... И ведь если подумать, нищий – не такая уж великая фигура, чтобы смерть его привлекла внимание.

Стало быть, привлекла?

Глеб снял пиджак. Поспать бы следовало, но сперва дело. Его охватил неожиданный азарт, который напрочь избавил от сонливости. Да и вовсе кровь бурлила. И это было в корне неправильно.

Кожух с инструментом раскрылся, точно с нетерпением ждал, когда же вспомнят о нем. Столик ближе. Свет... свет следует поправить. И добавить.

Защитные очки. Перчатки.

Вдох. Выдох. Глеб давно уже не проводил вскрытий и даже не был уверен, что нынешнее необходимо. Причина смерти гляделась весьма очевидной, но...

Первый надрез лег легко, руки помнили дело. И тьма согласилась, что в потрошении мертвецов есть своя прелесть.

Кожа. Мышечный слой. Кости. Органы.

Крупноватое сердце, которое, надо полагать, пока со своею работой справлялось неплохо, а что порой сбоило, так оно бывает. Но еще пару лет – и гипертрофия стала бы весьма выраженной, а симптомы обострились бы, заставив обратиться к целителю.

Или нет?

Печень... с печенью все куда как сложнее. Изменения отчетливы и вряд ли вызваны лишь алкоголем. Стало быть... Глеб отщипнул кусочек, почти не сомневаясь, что при микроскопировании увидит весьма характерные следы.

Желтая лихорадка – частый гость на восточных берегах. Она таится в грязной воде местных речушек, которые имеют обыкновение пересыхать в сезон, чтобы после, наполнившись дождями, раздобреть на недолгие пару недель, обзавестись мутными водами, которые манят все живое в округе. И горе тем, кто польстится на темную, жирную с виду воду. Симптомы появляются далеко не сразу, к этому времени реки пересыхают, а солнце прочно обживает степные небеса, и палит нещадно, и выжигает все живое.

Его и винули. Долго винули...

А он был крепким, этот парень, которому довелось побывать на границе, и вряд ли то было случайностью. Сколько он служил? Или не по служебным делам, но по торговым? Находились смельчаки. Или не по тем и не по другим, а по таким, что лежат вне закона?

Как бы там ни было, ему повезло.

Глеб поднял руку, надавил на ногти покойника, убеждаясь, что есть она, едва заметная желтизна. А ведь достанься ему более активная форма, давно бы уже сгнил. С желтой лихорадкой целители не способны были сладить, разве что замедлить развитие.

А если...

В городе целителей немного, помимо того, который пользовал Анну. О пациентах своих говорить они не любили, но ситуация особая. Да и бляха Земляного поможет, если что.

Почки.

И вновь характерный налет, подтверждающий догадку. Частью свежий, выходит, что его, Глеба, проклятие подстегнуло болезнь. Смерть от проклятия избавила, а вот лихорадка продолжала разъедать тело.

А ведь вряд ли покойный являлся к целителю в обычном своем виде. А стало быть, в той, другой его жизни может отыскаться что-то интересное.

И Глеб вернулся к телу.

Желудок был полон. Надо же... и пища только-только начала перевариваться. А стало быть, убили покойного если не сразу после ужина, то почти.

Убили его не пару часов тому. Проклятие и болезнь, сплетясь воедино, поработали над телом. Остывало оно медленнее. Нет... часов восемь прошло, если не более того.

Глеб хмыкнул. И подвинул светляки.

Вот эту часть работы он ненавидел. Так... что тут? Гречка? И остатки мяса. Морковь. Запах, конечно, специфический, но... Вино? А вот и гриб. Снова мясо. Кусок чего-то мягкого и расплзающегося. Бисквит?

– Вот всегда ненавидел, когда вы так делали, – раздалось за спиной тихое, и Глеб выругался. Вслух.

– Извините, – несколько смутился Мирослав. – Привычка.

А ведь подошел так, что Глеб не то что не услышал, не ощутил даже.

– Ничего. – Он размазал по тарелке содержимое желудка, пытаясь уловить хоть что-то. – Просто в следующий раз я могу... быть куда более несдержанным.

Тьма смеялась.

Она-то слышала человека загодя. Но промолчала. Она ведь не обязана предупреждать Глеба, раз Глеб не считается с тьмой. А ведь хочет она немногого...

– Надо же. – Мирослав осторожно обошел тело и остановился у столика. – Гм... погодите... а дайте-ка...

Глеб вложил пинцет в протянутую руку.

– Ага... это ведь... – То, что Мирослав извлек из кучи, больше всего походило на головешку. – Воды бы...

Вид у головешки был весьма характерный.

И Глеб плеснул воды в плошку.

Отмывал кольжецкий гриб Мирослав старательно, а отмыв, вытер платком и только потом разломил пополам. Наклонился. Понюхал.

– Он самый.

И Глебу протянул. Запах был весьма характерным, острым, с горькими нотками полыни.

– В одном месте только подают гречу по-купечески, которую грибами приправляют... – задумчиво протянул Мирослав, окинув тело новым взглядом. – И надо сказать, весьма себе место специфическое, не всякого пустят и не со всяким говорить станут.

– Со мной поговорят.

– Может, оно и так, да только... как бы вам сказать... вам бы вовсе не высовываться, уж больно народишко у нас взбудораженный. Того и гляди полыхнет. А оно нам надо? Нет уж, я тут сам... есть у меня один знакомец... да как сказать, знакомец... помог я ему когда-то, вот, стало быть, долг платежом и красен, да...

Мирослав завернул гриб в салфеточку.

– Я еще тогда подумал, что уж больно лохмотья его чистые...

Глава 8

Проснулась Анна ближе к полудню.

Потянулась. Перевернулась на живот. Улыбнулась самой себе, провела пальцами по лицу, стирая эту улыбку. Ни к чему...

Солнце проникало сквозь полог листвы, заставляя ветви тянуться к свету. Стекла оранжереи дробили его на осколки, и казалось, сам песок светился. Впрочем, температуру пришлось понизить и открыть духовые окна, впуская поток прохладного воздуха.

Она смахнула испарину со лба.

Проверила воду в искусственном ручейке, из которого поднимались тяжелые ветви коряг. Присаженный на них мох разросся, и в нем скрывались темные бусины бульбофиллумов. Над самой водой раскрылись треугольные цветы масдеваллий. Они покачивались, словно перешептывались. Анна убрала несколько отмерших листьев, отметив, что в принципе пару растений можно будет разделить без особых проблем. А вот дракулам было явно жарковато, хотя лето только-только началось.

Движение она ощутила спиной.

– Арвис? – Анна убрала сухие плети серебристника в корзину. – Доброе утро. Вернее день. Сбежал?

Мальчишка дернул плечами.

– Сбежал. Люди злые, – сказал он, усаживаясь на тропинку, и, протянув руку к плевроталлису, что обжил россыпь камней, замер, будто задумался. – Убить хотят.

– Тебя?

Он ткнул пальцем в иглообразный лист и вздохнул:

– Всех. Боятся. Почему, когда люди боятся, они хотят убить?

– Понятия не имею. – Анна вытерла руки. – Но быть может, вам и вправду стоит уехать? У меня есть дом, там хватит места для всех.

– И они боятся. Меня. Я слышал. Илья говорит, что меня надо кончить, пока я пасть не открыл.

Анна зажмурилась.

Никуда не делось солнце. И свет не исчез. Только легкость пропала.

– Но его не слушают. Пока. Я молчу. Они думают, я все еще дикий и говорить не умею. Я думаю, что пусть они думают. Я умею говорить, но не стану. Я понимаю.

Он склонил голову набок и продолжил:

– Они думают, что их секреты плохие. Но я знаю, что есть очень плохие секреты. Такие, которые... когда то существо сидело внутри, я видел... всякое. У тебя кровь нехорошая.

– И не только кровь. – Анна поднялась и отряхнула брюки. – Идем к лилиям? Я давно к ним не заглядывала.

Арвис тут же вскочил. Кажется, к лилиям он готов был бежать. И от шубы отказался. Только остановился на пороге, закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

– Замерзнешь, – заметила Анна.

– Нет. Хорошо.

Снег захрустел под ногами. Арвис остановился. Присел. Сунул пальцы в припорошенный снегом куст. Вытащил руку и оближал белую взвесь.

– Смотри, простынешь – лечить не стану.

– Станешь. Ты хорошая. Только кровь плохая. Очень-очень. Не знаю. Я видел. Плохо помню. Он не все показал. Только чтобы других злить. Тебя не было. Он знал бы, что тебе показать. А я только кровь запомнил.

Арвис сел и стянул ботинки, пошевелил пальцами.

– Может, все-таки...

Его кожа побелела, сравнившись по цвету со снегом, но, кажется, особых неудобств мальчишка не испытывал. Напротив, он выглядел весьма и весьма довольным. И еще сосредоточенным.

– Я забыл. – Он сам выбрал дорогу. – Сейчас увидел тебя и вспомнил. Вчера увидел то и тоже вспомнил. Но до того – забыл. Я думаю, я видел больше, но как сделать, чтобы вспомнил?

Анна шла рядом.

Из-под снега выглядывали острые рожки красного мха, который мхом был лишь по названию. На концах вспухли розовые капли сока, и его стоило бы собрать до того, как он заледенеет и утратит часть свойств. Но и в основной оранжерее хватало работы, не говоря уже о саде.

– Я думаю. Скажу. Но я не хочу, чтобы в меня опять влезла тварь. Она вредная. Она не скажет правду, только запутает. – Арвис сморщил нос.

Лилии стали крупнее, и полупрозрачные лепестки их разошлись, открывая темное горло. К лилейным отнести эти цветы можно было лишь условно.

– Я не хочу, чтобы ты умерла. Или я. Или еще кто. Смерть – это плохо. – Арвис протянул руку, и над пыльниками поднялись темные облачка пыльцы. Она кружилась, словно ощущая чуждое ледяному миру тепло, чтобы опуститься на завиток пестика.

Неужели получится?

– Но я не знаю, что мне сделать, чтобы ты не умерла. И чтобы остальные. – Пыльца осела на растопыренной ладони. – Хотя про остальных я еще не уверен. Илья злой.

– Ты пробовал поговорить с ним?

Он покачал головой:

– Не поверят. Только больше обозлятся. А еще эта женщина... мастер на нее смотрит, но не видит. А я вижу. Она злая. Она говорит, что я тварь. И другие тоже. И еще думает, что, если бы мы все сдохли, было бы хорошо.

Анна не нашлась что ответить.

* * *

С приглашениями получилось неожиданно легко. Правда, обошлись они без малого в шестьсот рублей.

– Я тоже полагаю, что цена неоправданно завышена, но матушка уверена и сумела убедить прочих, что лучше продать меньше, но дороже. Этакий... ценз. – Ольга, которая, собственно, и принесла приглашения, выглядела раздраженной. – Иногда ее снобизм удручает. Впрочем, даже ей далеко до моего братца. Представляешь, заявил, что ты неподходящая компания.

Ольга была в темно-зеленом и вновь же брючном костюме, отделанном тонким золотым шнуром. За шнур этот, свисавший с коротенького жакета, она и дергала, вымещая раздражение.

– Он мне цветы прислал, – зачем-то сказала Анна.

Она наконец занялась садом. Следовало бы расчеренковать гортензии, особенно метельчатые, о которых ей писали, что испытывают в них большую нужду. И тот новый сорт с темно-вишневым окрасом весьма желали видеть, предлагая за него двадцать рублей. Правда, материнский куст был не так чтобы и велик, но пару веток снять получится.

– Можно? – Ольга потянулась к секатору. – Я осторожно... очень хочется кого-нибудь порезать. А цветами не обольщайтесь. Вы ему глянулись, но я искренне сочувствую той женщине, которая решит связать свою жизнь с моим братом.

– Я не решу.

– И хорошо. Как резать? Тут?

– Чуть больше, чтобы было несколько узлов с листьями. Да, вот так... – Анна помогла выбрать место.

– У него в каждом городе по любовнице. Ему так удобней. Выбирает кого-нибудь, кого полагает достойным своей высочайшей особы...

Анна подбирала тонкие веточки.

– Хватит, – сказала она, принимая растение. Толика силы, чтобы стабилизировать. Грамотная обрезка только на пользу, еще несколько недель – и ее «закат» разрастется пуще прежнего.

– Некоторых он годами мучает. И конечно, он ничего не обещает, он слишком продуман, чтобы что-то обещать, но вы же знаете, что можно вести себя по-разному. Он и ведет так, что становится понятно, что еще немного – и он сделает предложение. Нет, он щедрый, а слышали бы вы, как он играет... он когда скрипку берет, то вообще кажется, что это другой человек. Куда более... приятный. Жаль, мама не хочет этого понимать. Она злится, когда Олег берет скрипку, вот он и становится сволочью. А вообще он меня достал. Решил замуж выдать.

Ольга отбросила прядь волос.

– А ты не хочешь?

– Не хочу. Не то слово... я взрослый человек и сама способна решить, что мне делать и как жить. И нужно ли мне замуж или нет. Я знаю, что на самом деле ему плевать, а деньги нужны. Раньше матушка помалкивала, а тут заявила, что он прав. Достали!

Ольга вскочила. И села:

– Не поддавайся ему! Все цветы и прочее – такая же ложь, как и с остальными.

– И часто он ездит?

Ольга обернулась на этот голос, а в руке ее вспыхнуло белое пламя, правда, тотчас погасло.

– Добрый день, Анна. – Алексей выглядел потрепанным и несчастным, впрочем, сейчас Анна была почти уверена, что это обычный его вид. – Добрый день...

– Ольга, – представилась Ольга, спрятав обе руки за спину. – Извините.

– Это вы меня извините. – Алексей изобразил поклон, который почему-то показался Анне издевательским. – Мне не следовало подкрадываться вот так и уж тем более подслушивать чужие разговоры. Однако, как показывает опыт, чужие разговоры иногда содержат много крайне полезной информации.

Ольга только и смогла, что кивнуть.

Она разглядывала Земляного с живым интересом, не собираясь его скрывать. И кажется, мастер смутился. Определенно смутился.

Взгляд отвел. И дернул крупную медную пуговицу, которыми была украшена нелепая его куртка.

– Там, – Анна указала на угол. – Вы не могли бы постоять вот там? Гортензии не слишком любят темную энергию.

Земляной послушно отступил в указанный угол, а после и вовсе сел. На землю. Шевельнул хвостом Аргус, приветствуя создателя, правда, на всякий случай оскалился, словно показывая, что благодарность благодарностью, а долг долгом.

– Вам, может, воды принести? Или лимонада? – Ольга поспешно пригладила волосы руками, правда, тут же вспомнила, что руки эти не слишком чисты, и вновь спрятала их за спину. – Я схожу, я помню, где кухня.

– Сходите, – согласился Земляной, тоже разглядывая ее, правда, исподтишка, изо всех сил пытаясь выглядеть безучастным.

– Так воду? Или лимонад?

– Воду. И лимонад. И молока, если можно.

– Молоко в леднике. – Анна занялась пересадкой. Горшочки со смесью она заготовила загодя, оставалось лишь воткнуть веточку и поделиться с ней силой, иницируя рост корневой системы. Несколько дней в зоне высокой влажности – и растения можно будет перенести в обычные условия. А к осени будут готовы на высадку.

Ольга убежала.

– С Глебом все... – странное беспокойство мешало сосредоточиться на работе, – в порядке?

– В порядке, – согласился Земляной. – В полнейшем. Спит. Ночь тяжелая. Утро тоже. Вот и прилег. Не волнуйтесь, для нас обычное дело. Я вот выспался и решил вас навестить.

Он вновь крутанул пуговицу, а Анне подумалось, что с этакой привычкой пуговицы надо пришивать особенно прочно.

– Охрану я не потревожил. Не смотрите так, для большинства ее вполне хватит, но у меня особые таланты. Родовые, чтоб их... – Земляной почесал переносицу. – Вам еще долго? Хотелось бы, знаете ли, еще раз взглянуть на проклятие. Имеется ощущение, что я что-то да упускаю, да... А эта ваша знакомая, как давно она знакомая?

– Недавно.

Земляной кивнул.

– Светлая, – сказал он с непонятным раздражением. – Вы знаете, что светлым настоятельно рекомендуется выбирать в пару человека с аналогичным даром. А вот темным – с противоположным. Темные пары тяжело уживаются. Характер у нас большей частью сложный. И дар в детях если и появляется, то слабый. Темной вообще тяжело беременеть... Потому ведьм еще меньше, чем нас. А вот в паре темного и светлой чаще всего появятся одаренные дети. Правда, характер наследования непредсказуем, но точно установлено, что сила дара в большинстве случаев возрастает. Если же речь об обыкновенном человеке, то дар просто передается. И поэтому многие темные предпочитают связывать жизнь именно с обыкновенными людьми.

– Теперь буду знать. – Анна перебирала тонкие плети. Этот разговор был совсем не о том, о чем принято говорить.

– Мне запрещено вступать в брак с обыкновенным человеком. И с темной. А вот светлые... У моего деда есть список подходящих невест.

– Сочувствую.

– Хоть кто-то правильно понял, – проворчал Земляной, отпустив пуговицу. – Скажите вашей подруге, что я – плохой вариант. Очень плохой вариант... мы все не совсем нормальны. Тьма оставляет отпечаток. На ком-то едва заметный, который проявляется лишь в дурном нраве, кому-то везет меньше. Иногда она сводит с ума.

Это Земляной произнес задумчиво.

– Моего отца свела. И не только его. Я в принципе не хочу жениться. Не хочу заводить детей, потому что наш семейный дар – это скорее проклятие, а кому хочется, чтобы дети были прокляты. Правда, я не уверен, что мне позволят быть свободным, но если уж так, то лучше выбрать ту женщину, с которой можно договориться.

– Это как?

– Обыкновенно. Я уже и проект составил, – Алексей явно оживился. – О встречах. И о том, что как только появится наследник, я добьюсь права с отдельным проживанием. Хотелось бы развод, но мне его не дадут. А так я определю содержание, и неплохое, чтобы она ни в чем не нуждалась. И если вдруг у нее кто-то появится, то препятствовать не стану. Я даже готов признать тех, других детей, хотя и без права наследования. Но это не от меня зависит, оно уровнем дара определяется. Как-то вот так... Так что ваша подруга не подходит.

– Почему? – раздался возмущенный голос Ольги.

– Слишком эмоциональна.

– Я?!

– Вы.

Он смотрел на Ольгу снизу вверх, но при всем том снисходительно, всем видом показывая, что понимает ее неспособность принять столь простые и очевидные вещи.

– Болван. – Ольга протянула кувшин с молоком: – Пейте, окажите любезность...

– С превеликим удовольствием... Вам нужен супруг, который с пониманием отнесется к этой вашей чрезмерной эмоциональности.

– Нет у меня никакой чрезмерной эмоциональности!

– Это вам так только кажется.

– Кажется?!

– Именно. Вот зачем вы на меня кричите?

– Я кричу?!

– Вы!

– Я не кричу! – Ольга топнула ножкой. – Просто вы... вы... с этими вашими договорами... прямо как мой братец. Тот тоже думает, что все можно записать в рамки договора. Да... А на самом деле... на самом деле сердцу ведь не прикажешь!

– Вы просто не пробовали.

Алексей прижал кувшин к груди. Он держал его нежно, трепетно даже, будто и не кувшин, а величайшую драгоценность.

– А зачем? Вот зачем все это?! Пробовать... записать. Заслоняться от мира договорами? Зачем притворяться, будто чувств не существует? Придумывать что-то... и мучиться. Думаете, я молода и глупа? Ничего не понимаю? В том-то и дело, что я все вижу и все понимаю. Сначала договор, который по сути ложь и притворство, потому что является сделкой. Потом лжи становится больше и больше... ненужный брак. Надоевший муж. Дети, которые появились на свет, потому что положено, чтобы были наследники. А на деле никому-то до них дела нет. Или наоборот, их начинают подгонять под эти самые правила, готовить к тому, что, когда они вырастут, должны будут продолжить семейную традицию быть несчастными. Знаете, сколько я повидала таких семей? О, маменька и в изгнании вела весьма активную светскую жизнь. Я видела все. И лицо, и изнанку. Женщин, которые пьют и спят с прислугой только потому, что больше заняться нечем. Мужчин, которые их ненавидят... Это отвратительно!

– А что не отвратительно? – тихо поинтересовался Алексей. – Большая любовь? У обоих и сразу? Редко бывает, да и все равно кто-то любит больше. Один жертвует, всегда жертвует, а другой принимает жертвы. Сначала небольшие, но постепенно... Власть над кем-то разворачивается, ее всегда мало. И хочется больше и еще больше, и вот уже любовь ушла, а власть осталась.

Губы Ольги задрожали.

– И эта власть... кто-то сумеет остановиться, но чаще всего нет. Просто это величайшее искушение. Моя мать любила моего отца, а он пользовался ее любовью. Он ее уничтожил. Сначала как личность, потом... Дед, конечно, был не рад, что я добрался до тех документов, но я должен был знать. Хотите, расскажу, как он ее убивал?

– Хватит, – жестко сказала Анна.

И Алексей замолчал. Он открыл было рот, но во взгляде его появилось удивление. Искреннее такое удивление.

– А вы знаете, у вас вон та штука прет, – сказал он, ткнув пальцем в черенок, который Анна держала в руке. – Это нормально?

Глава 9

Корни гортензии оплели пальцы Анны, а из пробудившихся почек поползли зеленые змеи стеблей. Они едва успевали выкинуть полупрозрачные листья, многие из которых получались мятыми, уродливыми. Силы было слишком много.

– Извините. – Анна заставила себя сделать глубокий вдох и остановиться.

– Нет. Пожалуйста, продолжайте. – Алексей поднялся, теперь он двигался мягко и плавно, при том фигура его словно поблекла.

Стали серыми волосы. Черты лица сделались неразличимы, будто Анна смотрела на него сквозь мутное, заросшее пылью стекло. И похолодало, ощутимо так похолодало.

– Не смотрите на меня, просто позвольте вашей силе проявиться.

– Ее немного. – Анна провела пальцем по хрупким стеблям. Механические ткани толком не сформировались, а потому и получились они чересчур уж мягкими. Результат слишком быстрого роста. Вытянутые междоузлия, несформированные узлы. Мягкие почки, из которых проглядывают зачатки листьев.

Типичная ошибка новичка.

– Вы ошибаетесь, – теперь и голос доносился будто бы издалека.

Заворчал Аргус.

Ольга, кажется, охнула. И отступила. Испугалась? Плохо. Страх убивает любовь. Хотя какая здесь любовь? Она увидела издалека, придумала себе героя и вспылала к нему страстью. Впрочем, даже до такой придуманной страсти там было далеко.

Не надо об этом думать.

И о том, что стало вдруг пыльно, иначе почему дышать тяжело? Воздух сгустился, потемнел. И солнце исчезло. Точнее, оно по-прежнему висело на небосводе, но стало далеким, холодным, словно зимний фонарь.

Зябко как.

А стебелек ползет, добрался уж до локтя, неловко цепляясь за ткань листочками. Замер, набираясь силы, которая текла ровно, будто бы и не было ничего странного, будто бы...

Вот пошли боковые побеги.

И в пазухах набухли горошины бутонов. Надо же, крупниц силы хватило и на генеративные побеги.

Холод пополз по позвоночнику.

По ногам. Спину знакомо потянуло, и боль отдалась в ногу, мгновенно парализовав ее. Вот так. Теперь без посторонней помощи Анне не подняться.

Горячая игла. И еще одна.

Мышцы деревенеют, будто бы несчастный росток тянет силы напрямиком из тела Анны. В какой-то миг она даже испугалась, что сейчас он прорастет внутрь, почти увидела, как корни прорывают кожу, входят в русла кровеносных сосудов, чтобы питаться уже напрямую.

Глупости. Страшные истории из тех, которые рассказывают ночью в дортуаре, когда наставница покидает его. И рассказывают всенепременно тем низким, страшным шепотом, от которого по спине мурашки.

Анна слишком взрослая, чтобы верить в подобное.

– Хватит, – этот голос раздался над ее головой, и холод отступил.

Исчезла давящая тяжесть.

И дышать стало легче. Солнце вернулось – и сразу тяжелым, выматывающим жаром. Почудилось даже, что еще немного – и сама Анна вспыхнет. Но нет, обошлось, только, кажется, нога по-прежнему не чувствовалась совершенно. А боль в пояснице нарастала.

– Сейчас. Позвольте?

В ладонь ткнулся теплый нос зверя.

– Что ты натворил, баран? – не слишком вежливо поинтересовалась Ольга. – Ей плохо. Ей целитель нужен...

– Не нужен. – На плечи легли руки.

– Ты только хуже сделаешь...

– Помолчи, женщина, – тон был таким, что Анна порадовалась, что она как раз-то молчит. – А ты дыши ровно, просто представь, что ты где-нибудь... не знаю. На берегу? Песочек там, море, солнышко...

Представлять не получалось, потому что Анна ощущала тьму, которая исходила от мастера. И тьма проникала внутрь ее, принося при этом немалое облегчение.

– У вас кровь идет, – сказала Ольга отстраненно.

– Пусть идет, вся не выйдет.

Значит, не у Анны. Она, кажется, окончательно утратила способность ощущать собственное тело. Нет, она видела его изнутри, и тьму, которая обволакивала ее теплым лебяжьим пухом. Даже странно, что эта тьма может быть такой.

– Господи, – Ольга закатила глаза. – Вы, мужчины, совершенно невозможны. Пойду поищу полотенце...

– Лучше два. Вот и хорошо. – Алексей опустил на землю. – Анна, а теперь постарайтесь увидеть свое проклятие, ощутите его, сосредоточьтесь. Это очень важно.

Анна сосредоточилась.

Впрочем, проклятие она ощущала и без того. Вот оно, никуда не делось, оно верное по натуре своей, куда верней подруг и даже мужа.

Темное. Тьма во тьме... и еще тьма, будто цветок распускается, даже красиво.

– А теперь мысленно дотянитесь и прикажите ему уснуть.

Как? Анна не властна над ним. Или...

– Как вы работаете с растениями, – подсказал Алексей. Интересно, неужели он способен слышать мысли Анны? Или вовсе проникнуть в голову ее?

В воспоминания. Вчерашние.

Вчера все было правильно и так, как нужно, а сегодня ей стыдно, но не оттого, что произошло, а потому что кто-то совершенно посторонний может взять и подсмотреть... Нет, не может, это тоже страшная сказка. Анна уже выросла из того возраста, когда в такие истории легко верится.

Надо сосредоточиться.

Надо... тьма во тьме... бутон раскрывается, бутон закрывается. Это сложнее, чем ускорить развитие, но мастера способны, Анна видела. Правда, сама она никоим образом не мастер, но...

Вдох. И выдох. И руки на плечах, такие теплые, горячие даже. Тьма больше не пугает, Анна и не знала, что та способна быть настолько уютной.

Она шептала о покое. Близком.

Разве Анна сама не желала его? Разве...

Нет. Спи.

Слой за слоем, укутать бережно, обещая, что придет час и все оковы падут, и тогда проклятие получит то, что ему обещано. Нет, не Анной, но... если и так... пусть спит.

– Вот так, правильно... а теперь печать.

– Я не умею ставить печати, – свой голос тоже звучал престранно.

– Вам и не надо уметь. Просто представьте, что вы подносите палец и им запечатываете. Это несложно. Оказывается. Анна не знала.

– Вот так, а теперь выходим. Не спешите. Разговаривайте со мной. К слову, у вас совершенно великолепный сад, но мне кажется, вам не помешает нанять помощника.

– Не помешает. – Теперь Анна почти потерялась. Тьма была повсюду. Она окружала Анну подобно туману, она ластилась, она обещала, что сумеет позаботиться. – Но я сложно схожусь с людьми.

– Понимаю.

– Да и найти кого-то, кто бы... кто ко мне пойдет?

– Кто угодно, если вы позволите, вот так... ближе и ближе. Вам нравится Глеб?

– Да, – оказывается, во тьме совершенно невозможно лгать. Точнее, Анне не хочется. К чему тратить время на такие глупости.

– Сильно?

– Да.

– Он хороший человек, но... – чужой вздох тревожит тьму. – Вы не отвлекайтесь, вы тянитесь ко мне. Чувствуете мои руки?

Нет.

Или... тени тепла, и собственное Анны тело наливается тяжестью, появляется боль.

– Я знаю. Его отец тоже убил его мать.

– И не только ее. Да и смерть – не худшее, что там случилось. Та война, о которой мы не помним, многих изменила, – голос теперь звучал близко, пожалуй, еще немного – и Анна вернется в себя, но тогда – она это знала – разговор останется незаконченным. – Я много думал. Собирал данные. Знаете, тяжело жить, зная, что рано или поздно ты превратишься в человекоподобную тварь, одержимую желанием мучить близких.

– И что?

– И то, что до войны мастеров было в разы больше. Даже не в разы, в десятки, в сотни раз. В каждом уезде... да что там уезды, в каждом более-менее приличном городе обязательно сидел мастер...

Боль по-прежнему была, но терпимая.

– В Петергофе, если верить записям, имелось целое представительство, да и частных жило с пару сотен. Сейчас нас всего сотни две осталось.

– Война?

– Не только... да, многие погибли, но, думаю, дело не только в смерти. – Руки убрались с плеч, и Анне это категорически не понравилось. – Сразу после войны провели перепись. Уцелело порядка трех тысяч. Мой отец воевал. И отец Глеба. Да и кто не воевал? На одной стороне, на другой ли... На войне умирают, а значит, таким, как мы, там самое место. И да, мы тоже не всемогущи. Гибли... почти все и погибли... девять десятых, считай. А те, которые выжили, потом тихо сошли с ума. В этом правда.

– Правда ли? – тихо спросила Ольга, протянув полотенце. – На вот... голову не запрокидывай, к груди прижми. Вот...

Ей было страшно, но она сделала шаг.

Значит ли это хоть что-то?

Сейчас Анна видела мир иным. В нем сплелись свет и тьма. Тьма и свет. И их было поровну. Как она раньше не замечала? Свет – это солнце, а тьма – тень под листвой, та самая, которая дарит прохладу. Она прячется на дне пустого кувшина, молоко из которого разлилось и впиталось в корни травы, и в тех самых корнях. Она... есть.

И без нее мир невозможен.

– А в чем еще? – Полотенце Земляной взял, стараясь, правда, не прикоснуться к Ольге. – Первый год – и пара сотен смертей... самоубийство. Или убийство, а потом самоубийство... или тихое безумие... Именно тогда заговорили, что мы опасны. Знаешь, в старых газетах, которые еще до войны... так вот, в них писали о темных, но... спокойно, что ли? О том, что выделен новый класс проклятий. Или вот создан голем, или об артефакторах еще. О полицейских

дознавателях. Не о том, что некий Н. в припадке ярости убил тракторщика с семейством, а после устроил пожар, в котором и сгинул.

Анна закрыла глаза. И открыла.

Повела плечами, убеждаясь, что вновь способна распорядиться собственным телом. Вздохнула. Потерла ногу, которая все еще ныла, но хотя бы чувствовалась.

– Война сняла ограничения. И то, что было запрещено, стало вдруг можно. А потом вновь нельзя... Я знаю, что там была кровь, очень много крови, и, наверное, многие просто не выдержали.

– Как твой отец?

– Мы с Глебом на этом и сошлись. Правда, у меня был дед, он меня растил. Точнее, сперва его жена, чудесная женщина – я плохо помню то время. И ее плохо, но знаю, что тогда я был счастлив. Жаль, что хорошие люди рано уходят. Когда ее не стало, меня забрал дед. Не могу сказать, что он страдал избытком доброты, но хотя бы позволил не видеть, что творится в доме.

Он попытался дышать носом, но лишь выдул крупный кровавой пузырь.

– Наверное, следует быть благодарным, что он защитил меня от всего этого. Правда, протоколы следовало прятать лучше, да... Но протоколы – это одно, а видеть самому – другое. Мне было десять, когда родителей... ушли. И из отчета следователя, да... если бы раньше, многие остались бы живы. Но да, я везунчик, если разобраться. Глебу пришлось сложнее. Они воевали оба. Герои, да... и работали по той, первой волне, когда стало понятно, что война не всех готова отпустить. И по второй... и после собрали немалый архив. Я в свое время провел в нем изрядно времени, пытаюсь понять. Так вот, кто-то сошел с ума быстро и явно, кто-то сходил долго, медленно и незаметно для окружающих. Сейчас из тех, кто воевал, не осталось никого.

– А ваш дед?

– Его держали при короне. Тоже мало хорошего, – Алексей поморщился. – Но тогда, полагаю, сочли, что он более ценен, нежели мой отец. Или, подозреваю, мой отец рвался опробовать некоторые свои наработки.

Он помрачнел и скомкал полотенце.

– Не спеши. – Ольга села рядом. – Дай посмотреть... не бойся, ты мне мало интересен.

– Вот и отлично.

– Я, в конце концов, слишком эмоциональна, чтобы соблюдать какие-то там договоры.

– И злопамятна.

– Все женщины злопамятны.

– Это да... – согласился Земляной, но отстраняться не стал.

– Вот так, сиди. – Она перевернула полотенце. – И не шевелись. Ты знаешь, что твое тело в отвратительном состоянии? Я, конечно, не сказать чтобы дипломированный целитель, матушка была категорически против...

– Почему?

– Потому что это ниже нашего достоинства, работать в какой-то там лечебнице. Что люди скажут?

Она передразнила холодный тон матери, и Алексей фыркнул.

– Но кое-что умею... вот ты знаешь, что у тебя язва?

– Сейчас даже не одна.

– Ага... и вот сердце в отвратительном состоянии... нервная система...

Алексей попытался вывернуться, но ему не позволили.

– От меня еще никто не уходил, – сказала Ольга. – Стало быть, получается, что все умерли?

– Да.

– И темных почти не осталось?

– Да.

– И поэтому школа нужна?

– И поэтому тоже. Только теперь нас боятся. Не скажу, что вовсе безосновательно, но...

Многие умения утрачены, знания, семейные книги остались, но в них будет едва ли половина. Если оставить, как оно есть, то через пару десятков лет останутся лишь стихийные самоучки, а это неправильно.

Анна пошевелила пальцами ноги. Послушались.

Она осторожно провела ладонью по голени, пытаясь понять, насколько окаменела мышца. Кажется, все не так и плохо.

Определенно неплохо.

– Вместе с тем многие, кто помнит эту волну безумия, кого она задела, просто боятся брать учеников. Среди темных полно тех, кто думает, как простые люди, что, если темных не останется, всем будет лучше.

– Но ты не уверен? – Пальцы Ольги едва касались висков, но меж тем Анна видела тонкие нити света, уходящие в сгорбленную фигуру мастера.

И нет никакого противостояния. Тьма не мешает свету. А он не препятствует тьме, позволяя лечить истерзанное тело. Тьме ведь тоже нужно воплощение.

– Нет. Ничто не уходит бесследно. И проклятия останутся, и твари. И думаю, что-то иное. Она ведь не исчезнет, она преобразуется, и как знать во что. Поэтому мы с Глебом и решили. Сначала небольшая школа, а там, быть может, получится если не вернуть, как оно все было до войны, но хотя бы сдвинуть.

– Получится, – уверенно сказала Ольга. И руки соскользнули ему на шею.

Алексей наклонился.

– Если куртку снимешь, мне будет легче.

Он молча стянул.

– Вот так... знаешь, не все рубцы зажили.

– Не трогай.

– Я могу...

– Это печати. Они сами закроются, просто не трогай, – он не приказал, попросил, и Ольга убрала руки. Вздохнула и сказала:

– У меня есть деньги.

– Деньги и у меня есть. Единственное, в чем у нас никогда не было недостатка, так это деньги. Их хватит на десяток школ. Беда в том, что учить в них некому. Да и это не первый город, в котором мы пытаемся зацепиться. Из предыдущих нас мило выпроваживали. Здесь, кажется, на вилы поднимут...

Он растянулся на траве, сунул руки под голову и закрыл глаза.

– Может, – тихо спросила Анна, – вам в дом пройти?

– Зачем?

– Спать в саду неудобно.

– Это вы просто на погосте никогда не ночевали. – Алексей широко зевнул. – А здесь хорошо – травка, бабочки и солнце припекает... Но не переживайте, я ненадолго. Я просто полежу, мне еще деда встречать надо. Он был прав, я редкостный идиот.

Глава 10

Мальчишки дрались.

Выбрались на задний двор, заросший малинником и одичавшей ежевикой, продрались в самое колючее нутро и дрались.

Молча. Зло.

Этак и вправду поубивают друг друга. Глеб выругался и поднял было руку, но ее перехватили.

– Не надо. – Васин выбрался из полутени, и стало удивительно, как это прежде Глеб не замечал немаленького этого человека. – Пускай. Им оно надо, а я пригляжу, чтоб никто никого не скалечил.

Калевой вывернулся из захвата, чтобы метнуться за спину противнику и отвесить приличного такого пинка, от которого Миклош не устоял на ногах.

Мальчишки засмеялись. Кто-то свистнул, но на него тотчас зашипели.

– Они...

– Пацанье, – сказал Васин, будто это все объясняло. – Пока не решат, кто старшой, будут бодаться. Вот пускай... оно и потренируются заодно. Пробирались хорошо, я одного даже не заметил.

– Арвиса?

– Нелюдь, – это было произнесено спокойно, Васин лишь отмечал очевидный факт, а не пытался оскорбить. – Завсегда тихушники. Нас один учил, правда, сказал, что не выйдет, шумные мы...

Он двигался по малиннику, удивительным образом пробираясь меж колючими плетями так, что и листья не шевелились.

– И этот добрый будет... если выживет.

– И все-таки, – у Глеба так ловко не получалось, ветки малины цеплялись за пиджак, за штаны, норовили ударить по лицу, коль уж не получалось, то хотя бы оставить след из липкой паутины. – Что там происходит?

– Драка.

– Это я и сам вижу.

– Так... – Васин почесал бритую макушку. – Я их учу помаленьку, как оно, чтоб без оружия... простенькое пока, потому как малые. Но учатся, да... вот парами ставил. Следил. Они и докумекали, что можно втихую помутузиться, чтоб я не знал.

Только не вышло.

– Пускай себе, тоже польза.

– А если кто кого порежет?

– Чем? – Васин достал из кармана самодельный нож и похвастал: – Пятый уже. Никак не угомонятся.

Глеб взял нож, бывший когда-то вилкой. Зубцы замотали плотным кожаным шнуром, а черенок заточили, пусть и плохо, но порезать кого при желании можно.

– А если есть еще?

Васин помогал башкой:

– Я ж не совсем дурной, приглядываю. Только вы шумный... вы того... идите, а то ж оно... почуют, после новое место искать станут. Намаешься.

Глеб сунул нож в карман.

– И того... в городе оно как-то беспокойно. Воевать будем?

– Надеюсь, нет.

– Я обрез принесу. И так, по малости... а то ж оно как-то с обрезом поспокойней, нежели без него.

С этим Глеб готов был согласиться. Вот только...

– И стрелять будешь?

Васин пожал могучими плечами:

– Так оно-то... если полезут, то и буду. А коль мозгов хватит не лезть, то и не буду. – Он отступил в тень, и фигура его словно размылась, готовая с этой тенью сродниться. – Шли б вы, барин, делом занялись. А туточки я пригляжу. Пускай валяют друг дружку, оно все полезней, чем втихую пакостить.

* * *

Этот гость прогуливался по улочке, привлекая взгляды и без того чрезмерно любопытных соседей. Он отходил от ворот, останавливался на углу, вперив взгляд в темное здание напротив, затем вздрагивал, будто очнувшись ото сна, и разворачивался на каблуках. Ровным чеканным шагом он добирался до противоположного угла. И вновь замирал.

– Чем могу помочь? – поинтересовался Глеб.

За гостем он наблюдал уж минут десять и точно знал, что присутствие его не осталось незамеченным. Владислав Даниловский обладал отличным чутьем. А еще поганым характером и нелюбовью к поездкам.

Стало быть, получил телеграмму. Поверил?

– Доброго дня, – Владислав приподнял фетровую шляпу, и полы серого плаща его, слишком теплого для нынешней погоды, разошлись. – Несказанно рад встрече.

О характере своем он знал и боролся с ним, пытаясь обуздать, загоняя в тенета хороших манер.

– Могу ли я рассчитывать на приватную беседу по одному известному вам вопросу?

– Прошу, – Глеб открыл калитку. – Не думаю, что беседовать стоит на улице.

Высокий. Темноволосый и бледнокожий. Тяготеющий к одеждам строгим, едва ли не траурного кроя, Даниловский являл собой тот идеальный портрет мастера Смерти, который одновременно и пугал людей несведущих, и внушал уважение.

А на то письмо, которое Глеб отправил еще зимой, Даниловский не соизволил ответить, впрочем, как и на приглашение. Школа ему была неинтересна.

Не только ему.

– Надеюсь, вы понимаете, что за достоверность информации я не поручусь? – тихо поинтересовался Глеб.

Даниловский же, слегка замедлив шаг, кивнул. Вот движения его отличались некоторой резкостью. И в том вновь же виделось проявление нервной его натуры.

– В данном случае я полагаю целесообразным проведение проверки, – он приподнял кофр. – Также до меня дошла некоторая информация о нестабильности настроения местного населения. Ввиду выросшего уровня агрессии, полагаю, что оптимальным решением будет переезд.

– Нет.

Даниловский слегка нахмурился. Но тотчас кивнул, признавая за Глебом право решать.

– В таком случае я предлагаю вам добавить в контур некоторые плетения. Семейные. Вы не будете возражать?

Настороженность.

Ожидание. Ему явно неуютно в чужом доме.

– Не буду.

– Отлично. – Даниловский поправил белоснежный воротничок. – Я должен поставить вас в известность, что изначально сама ваша идея показалась мне несколько...

– Безумной?

– Не без того. – Владислав протянул было руку к двери, но, вспомнив, что в этом доме он лишь гость, отступил. – Однако при здравом размышлении я осознал, что, вероятно, в ней имеется рациональное зерно. Вы знаете, что напряженность поля в сублокациях за последние пять лет выросла в несколько раз? И уровень ее настолько высок, что это нельзя объяснить естественными колебаниями.

– Боюсь... теория поля – это не совсем мое.

Кивок был слегка снисходительным.

Даниловский снял шляпу, положил на столик у двери, сделав вид, что не замечает тонкого слоя пыли, этот столик покрывающей. Следом отправились перчатки. И, тронув перстень, Даниловский произнес:

– Я подготовил доклад его величеству. И я готов.

– К чему?

– Помогать вам во всем... этом, – он обвел рукой полупустой холл. – В своем докладе я, как мне кажется, сумел обосновать наличие прямой взаимосвязи между числом одаренных, активно использующих свой дар, и уровнем остаточной энергии.

Он осматривался с любопытством, и по выражению лица сложно было понять, нравится ли ему увиденное.

– Ремонт нужен, – сказал Даниловский, ковырнув поблекшую виньетку.

– Нужен, – согласился Глеб. – И не только ремонт. Но... наверх.

Собственный кабинет показался тесным.

И донельзя захламленным, впрочем, Даниловский, осмотревшись, просто скинул на пол папки и устроился в кресле.

– Когда вы написали впервые... скажем так, меня задели слова о вымирании. Я, как вы знаете, далек от людей. – Он потер перстень пальцем. – Специфика моего характера такова, что мне сложно ужиться и с обыкновенными людьми, не говоря уже о тех, кто подобен мне. И добровольная изоляция в данном случае отличный выход, особенно когда она способствует изысканиям. Последние годы я изучал колебания энергетического поля.

Папки Глеб подобрал и отправил в шкаф.

– Мне было интересно разобраться в причинах возникновения аномалий. Мутации живого в неживое и неживого в немертвое. Эту тему начал исследовать еще мой дед, но они с отцом не пережили войны. Я же был слишком мал, чтобы участвовать в ней.

К счастью. Определенно к счастью.

– И вот, сопоставляя данные, я пришел к выводу, что количество аномалий напрямую зависит от общей напряженности поля. Дед выявил некоторые критические точки, на которых и проводил замеры. Я повторил его работу. Данные отличались. Они весьма существенно отличались.

Белые пальцы Даниловского пребывали в постоянном движении. Они шевелились, касались один другого, чтобы тут же отступить и вновь потянуться. Он, застывший в кресле, словно прят невидимую нить.

– До войны прорывы были редкостью, а стихийная нежить если и появлялась, то мелкая и большей частью нежизнеспособная. Сейчас же... за прошлый год случилось три самопроизвольных поднятия кладбищ. Заметьте, не отдельных особей, а именно кладбищ, причем, судя по докладам, среди исходного материала встречался и такой, который разменял не одну сотню лет.

Кости?

Да чтобы поднять кости без предварительной подготовки, нужна не просто энергия, нужна демонова прорва энергии.

– Именно, – Даниловский кивнул. – Меня тоже заинтересовал этот феномен. В последнем случае удалось присутствовать лично, и могу сказать, что имело место не только поднятие, но и частичная трансформация в иную форму. Полагаю, если бы не прорыв, через пару-тройку лет вышла бы личинка костного червя.

Глеба передернуло.

Еще та тварь. Ему случилось встретить такого на границе, древний, обосновавшийся в кургане, пусть и ослабевший от бескормицы, он представлял собой чудовище, слепленное из остатков костей. Ребра, бедренные и локтевые, мелкие позвонки, усеявшие бугорками то подобие шкуры, которое прикрывало костяной остов. И бугры черепов, усеявшие голову. Уродливой чешуей ее покрывали зубы мертвецов.

– Я читал, что вам довелось встречаться.

– Тогда мне повезло.

По утреннему времени червь был медлителен, да и давно уже успел выжрать всю энергию в кургане и окрест, не решаясь удалиться от обиталища.

– Но все равно... – Глеб дернул плечом, которое привычно заныло. – Пришлось... нелегко.

Тварь сожрала троих.

Подготовленных. Увешанных амулетами, которые он, глупый мальчишка, полагал едва ли не универсальной защитой, если не совершенной, то всяко близко. А тварь и не заметила. И Глеб помнил и свой ужас, парализующий, лишаящий разума. И беспомощность. Хлопки выстрелов. Крик человека, которого насадило на тонкие ребра...

В тот раз Глеб додумался использовать огонь, хотя и горели кости плохо. К счастью, тварь оказалась слишком тупа, чтобы увидеть в пламени опасность.

– И прошу заметить, речь идет не о стихийном захоронении, а о вполне себе благополучном кладбище, небольшом, сельском, которому не повезло расположиться рядом с аномалией. После я выяснил, что неподалеку произошло сражение. Надо полагать, оно и послужило источником энергии. Но речь не о том. Если взять войну, то сражений было бесчисленное множество, не говоря уже об обыкновенных стычках. И далеко не всегда места пролития крови зачищались должным образом.

В руках Даниловского появились четки. Бусины скользили, сталкиваясь друг с другом, и звук получался резкий, хлесткий.

– Прошу прощения. Успокаивает. Я... несколько отвык от бесед. Вы не могли бы не смотреть на меня?

Глеб перевел взгляд на папки, хотя и чувствовал себя при том на редкость глупо.

– Да, так определенно лучше. Войны случались и прежде, если не столь глобальные, то всяко имели место пограничные конфликты, восстания и иже с ними. То есть кровь лилась, случались и выбросы энергии. Однако та не имела обыкновения скапливаться, поскольку в мире присутствовало достаточное количество людей, ее потребляющих и таким образом нивелирующих негативное воздействие на мир всех тех насильственных смертей, которые в нем происходили.

Бусины замерли, а Даниловский поднялся:

– Ваше письмо, скажем так, заставило меня думать в другом направлении. Порой случается, что работа увлекает настолько, что некоторые вполне очевидные и логичные аспекты просто не воспринимаются. Так и я изначально не учитывал человеческого фактора. Да...

Он замолчал.

И остановился у шкафа. Провел пальцем по пыльной полке и, поморщившись, вытер ее белоснежным платком.

– Прислугу нанимать не пробовали?

– Пробовали. Не получилось. Разве что кухарку...

– Мои люди придут спустя неделю. Они надежны. Служат нашему роду не первое столетие, а потому привыкли к некоторым нашим, скажем так, особенностям. Детей, как я понял, пока восемь?

– Девять.

– Отлично, – Даниловский кивнул каким-то собственным мыслям. – Вы думали над программой? Впрочем, я читал проект, но полагаю, что вы слишком спешите. Вы хотите сделать из них полноценных мастеров, но в условиях обычной школы это преждевременно. Я предложил бы уделить большее внимание основам, а также вопросам индивидуального контроля, который, поверьте, во многом значительно облегчает жизнь.

Платок прошелся по полке, коснулся и папок.

– Думаю, это можно обсудить...

– Также надо решить вопрос с увеличением количества учеников. И реорганизацией этого места, если вы действительно собираетесь устроить школу здесь.

Он нервно скомкал платок. И застыл.

Дернулась губа. Приподнялась бровь. Лицо исказила уродливая гримаса, впрочем, Даниловский довольно быстро справился с собой.

– Что же касается рисунка, то это действительно мой герб. И да, у меня имеется дурная привычка обращаться к женщинам определенной профессии, что происходит исключительно из-за моих личных особенностей.

Ему и вправду было тяжело говорить.

Глеб видел, что практически каждое слово Даниловский вымучивает.

– Будучи моложе, я полагал, что сумею совладать с собой, но нормальных женщин я пугаю. Я не хочу никого пугать. И еще мне сложно с ними разговаривать. Я не всегда понимаю, чего от меня ждут. И это разочаровывает. Их. Женщины... с ними сложно.

– Соглашусь. – Почему-то Глеб не удержался от улыбки.

Сложно. И просто.

И в то же время никак не возможно, чтобы вовсе без женщин. Без одной весьма конкретной женщины, которая слишком хороша, чтобы быть правдой.

– Именно. С теми, кто работает, проще. Они получают плату. Я щедр. Я стараюсь выбирать тех, которые чище. И плачу за то, чтобы принимали лишь меня. В то же время я весьма много путешествую, что связано с работой. Поэтому я не исключаю, что ситуация, описанная вами, возможна. Однако, прежде чем делать выводы, я хочу убедиться...

– Само собой.

– Лучше всего, если я познакомлюсь с учениками. Со всеми учениками.

Он замер перед стеклянной дверцей, вперившись взглядом в свое отражение.

– Как думаете, я им понравлюсь?

Глава 11

Когда нити охраны задрожали, Глеб подумал, что день сегодня какой-то совсем уж неправильный. Ему бы делами заниматься, а не гостей встречать. Нынешний прибыл в сопровождении охраны, которую, впрочем, оставил по ту сторону ограды.

– Мрачновато у вас тут, – сказал граф Калевой, озираясь, – но должен признать, весьма атмосферно. Доброго дня.

– Доброго, – Глеб это произнес с некоторой долей сомнения, ибо появление лица столь высокого, пусть и не по титулу, но по чину, заставляло задуматься о явных и скрытых причинах, которые оное лицо привели.

– Рад видеть вас в добром здравии...

– Как и я.

За домом что-то громыхнуло, а по-над одичалым садом пополз сероватый дым. Запахло яблоками, но не свежими, а теми, с гнильцой, которые не каждая скотина есть станет. Следовательно, Даниловский все же успел познакомиться с учениками. И впечатление произвел. Судя по количеству дыма, неизгладимое.

А ведь алхимиком он был весьма неплохим. И дело свое любил.

– Вижу, процесс обучения идет?

– Полным ходом. – Глеб нащупал в кармане самодельный нож. – Вы...

– По личному вопросу, исключительно по личному, – поспешил заверить Калевой. – Хотя, конечно, жалобы на вас идут... правда, как докладывают, в последнее время не мне, а напрямую в коронную канцелярию. Вас не повесят?

– А должны?

– Не знаю. Но поймите правильно, я с трудом нашел кого-то, кто согласился бы взять к себе Богдана. И весьма не хотелось бы оказаться в ситуации, когда вновь придется озадачиться поисками. Вы уж постарайтесь больше никого не убить.

– Я никого не убил.

– И правильно. И не надо оно. А если надо, то лучше уж так, чтобы без последствий... – Калевой вздохнул и признался: – Жарко тут у вас. Море опять же... хорошо, наверное?

– Хорошо.

За домом вновь громыхнуло, и дым на сей раз пополз фиолетовый. Стало быть, проводят эксперимент по средству материи. Зрелищно. И притом весьма и весьма занятно. Правда, дымы эти будут держаться пару дней, а запах гнили вовсе привяжется к одежде, напоминая, что техника безопасности, она придумана не для того, чтобы ее игнорировать.

– И как... Богдан?

– Неплохо.

– Гм... понимаете, я получил письмо от моей давней знакомой, мнению которой всецело доверяю, и выплыли некоторые весьма неприглядные факты.

Калевой заложил руки за спину, и полы пиджака его разошлись, а округлый живот выдвинулся вперед. В фигуре же появилась некоторая комичность.

– Так уж получилось, что я был преступно небрежен по отношению к сыну, доверив его человеку, которому я доверял всецело, и, как оказалось, зря. И теперь я не знаю, захочет ли мой сын вообще разговаривать со мной.

Третий взрыв вспугнул стаю птиц, которая поднялась, закружилась над садом. А вот дым был серебристым, с запахом мяты. Но не стоило обольщаться, пройдет с четверть часа, и мята обернется характерной сладковатой вонью.

Лабораторию стоит оборудовать в первую очередь. Изолированную.

– Не попробуете, не узнаете, – меланхолично ответил Глеб. Ему подумалось, что дымы эти не останутся незамеченными, а уж вонь соседи и вовсе оценят, потому как ограда дыму не помеха. И главное, ветерок сегодня игривый, растащит дым, раскидает по садам...

Как бы раньше времени на вилы не подняли.

* * *

Мальчишки нашлись в саду.

Сидели полукругом, уставившись на Даниловского с одинаковым восторгом в очах.

– ...Следует учесть, что исходные энергетические данные вашего материала способны измениться в результате хранения и воздействия консервирующих веществ. – В руках он держал колбу, в которой лежал кусок мяса.

Уже подтухшего, блестящего, с характерной зеленцой по краям.

– В будущем вы при некоторой доле старания научитесь адекватно оценивать скрытый запас энергии, а пока не научитесь, вам придется пользоваться таблицами сродства и проводить вычисления... – Из темного кофра появилась пробирка. – Возьмем, к примеру, стандартизированный раствор на спиртовой основе...

Раствор был темным.

А Калевой замер и Глеба попридержал.

– Если не возражаете, – шепотом сказал он.

Глеб не возражал, правда, предусмотрительно достал платок, пожалев, что бонбоньерку с ароматическими шариками давно уже не носит. Пригодилась бы.

– Добавим, к примеру, вытяжку корня родиолы, которая является отличным энергетическим проводником, а потому часто используется при создании элементарных сущностей. И еще каплю синержского бальзама. В его состав входит дюжина трав, от которых, собственно говоря, и зависят конечные свойства. А потому бальзам этот я настоятельно рекомендую приобретать лишь у проверенных травников. Лучше всего изготавливать самому, но...

А ведь похожи они с Ильей. Те же черты лица, несколько резкие, даже грубые. Та же манера слегка сутулиться, и локти оба держат прижатыми к телу. Тот же взгляд. Разве что мальчишка моложе и загореть успел дочерна, а волосы короткие дыбом торчат.

– ...Это мы с вами разберем позже. – Жидкость в колбе покрыла кусок мяса глянцевой пленкой. Даниловский поставил колбу на траву, взмахнул руками, разминаясь. – А сейчас я наглядно покажу, что бывает, если не добавить такой компонент, как вытяжку из желез рогатой жабы. Не концентрат, само собой, достаточно разбавления в сотой доле...

Капля силы, и реакция пошла.

– ...Вещество выступает стабилизатором, уравнивая скорость наполнения энергетических потоков и в значительной мере снижая дисбаланс.

Колба наполнялась темным дымом.

И Глеб сделал глубокий вдох, правда, не особо надеясь, что дыхания хватит. С другой стороны, сад – все не лаборатория с отключенной вытяжкой, здесь должно быть полегче.

Дыма становилось больше. Он расползлся по поляне, укрывая и траву, и редкие пятна ромашек в ней, он лизнул ботинки, вцепился в брюки, поднимаясь выше и выше. Он уже не выглядел черным, он лоснился и вонял. Едко. Остро.

Кто-то закашлялся, кого-то, судя по звукам, вырвало.

– Прошу учесть, что я использовал мизерные количества что материи, что консервантов. А теперь представьте, что произойдет, если вы допустите подобную ошибку при первичном синтезе реального голема.

Глеб оглянулся. Граф Калевой был бледен и в то же время держался, пусть и старательно разминал переносицу, что, впрочем, вряд ли спасало от вони.

– Поэтому, каким бы увлекательным вам ни казался процесс, как бы вы ни спешили, запомните, что инструкции и правила существуют прежде всего для вашей же безопасности. – Даниловский поднял колбу, которая еще дымилась: – Кто желает потрогать?

Держал он ее двумя пальцами.

– Богдан?

Надо же, и познакомиться успел.

Калевой поднялся и двинулся бочком, явно испытывая преогромное желание вернуться на место. И руку он протягивал с опаской, чем заслужил благосклонный кивок. Лекцию о том, что трогать дымящиеся колбы – плохая идея, Даниловский прочтет позже.

– Какая она?

– Горячая, – с некоторым удивлением произнес Богдан.

– Это потому, что мы имеем дело с реакцией экзотермической, сопряженной с выделением большого количества тепловой энергии. В свою очередь, чем больше исходная масса, тем, соответственно, больше энергии она выделяет. Надеюсь, понятно, что в случае ошибки вам грозит не только дым, но и возможность воспламенения. При массе, превышающей полфунта, выделившейся энергии достаточно, чтобы расплавилось стекло. Кто помнит температуру плавления стекла?

Никто. Глеб в том числе.

– Что ж, этим мы с вами тоже займемся позже. Не стеклом, но основами, изучение которых казалось вам прежде скучным. – Даниловский взмахом руки отпустил мальчишку. – А теперь, окажите любезность, продемонстрируйте, на что вы способны...

Глеб поискал взглядом Васина и даже не удивился, не обнаружив того с первого раза. Тьма подсказала, что человек рядом, что, если Глеб пожелает, она дотянется, опутает, может и парализовать, наказывая за наглость. Глеб отмахнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.